

ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Какая замечательная у этой девушки улыбка — задорная и счастливая!

Два года назад после десятого класса Нина Строгина пришла на Купавинскую тонкосуконную фабрику, где четыре десятилетия стояла у ткацкого станка ее мать, а теперь прядильщицей трудится старшая сестра.

Еще ученицей Нина работала на четырех автоматических станках. И не бывает дня, чтобы молодая ткачиха подвела товарищей, не выполнила плана.

Все умеет Нина Строгина, все у нее спорится. Весело танцует она на молодежных вечерах, охотно поет в хоре.

Фото М. Савина.

М. Ройтер, С. Снаткин. СТАДИОН ЮНЫХ ПИОНЕРОВ. НА СОРЕВНОВАНИЯХ. Автолитография. 1958 год.

НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ. Автолитография. 1958 год.

На последней странице обложки: В сборочном цехе завода «Ташсельмаш». Узбекистан.
Фото Л. Раскина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 3 (1648) 37-й год издания

11 ЯНВАРЯ 1959

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Торжественно и радостно отпраздновал советский народ 40-летие Белорусской ССР и Коммунистической партии Белоруссии, а также награждение республики орденом Ленина.

В Минске состоялся многотысячный митинг.

Приезд в Минск Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева. На снимке: встреча на вокзале.

Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета КП Белоруссии К. Т. Мазуров прикрепляет к государственному флагу БССР орден Ленина, которым награждена республика.

Фото Дм. Бальтерманца.

К Солнцу! К звез

РАСКРЫВАЮТСЯ ТАЙНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Доктор физико-математических наук
профессор В. ШАРОНОВ

Сказка стала былью! Свершилось то, о чем издревле мечтал человек, глядя на звездное небо: можно ли проникнуть в тайны Вселенной? Можно, ответил народ Советской страны.

В историю человечества навсегда войдет светлым днем победы разума над силами природы день 2 января 1959 года, когда был осуществлен пуск космической ракеты в сторону Луны. Коллективы научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, заводов и испытательных организаций, создавшие новую ракету для межпланетных сообщений, посвятили этот пуск XXI съезду КПСС.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обратились к ученым, инженерам, техникам, рабочим, всему коллективу работников, участвовавших в создании и запуске космической ракеты, с приветствием, в котором говорится: «Первый межпланетный полет советской космической ракеты открывает славную страницу в изучении космического пространства и демонстрирует всему человечеству творческий гений свободного советского народа и гигантский научно-технический прогресс, достигнутый трудящимися первой в мире страны победившего социализма».

Программа наблюдений за космической ракетой и программа научных исследований закончены. Задачи, поставленные при пуске ракеты, выполнены. Она стала на вечные времена первой искусственной планетой солнечной системы, открыв эру межпланетных полетов.

Во времена глубокой древности считали, что светила, будучи принадлежностью не Земли, а неба, для человека не только недоступны, но и непознаваемы. Потом возникла наука астрономия, которая исследовала небо, изучала природу и движение небесных тел и развернула перед нами истинную картину строения Вселенной. Но до самого последнего времени считалось, что возможности человека ограничены: он мог лишь наблюдать, изучать и познавать другие миры, не пытаясь управлять ими. Эта, казалось бы, столь очевидная истина опровергнута буквально на наших глазах.

Октябрьская революция свершила переворот не только на земле: вызванная ею социальная буря коснулась и неба. В условиях социализма прогресс техники пошел столь быстрыми темпами, творчество народа получило такой размах, что явилась возможность перешагнуть ограниченные рамки земного шара и начать освоение космического пространства и движущихся в нем небесных тел.

Штурм космоса начался 4 октября 1957 года, когда вышел на свою орбиту первый искусственный спутник Земли. Созданный на Земле трудами советских ученых, инженеров, техников и рабочих, он развил скорость свыше 8 километров в секунду. Такую скорость называют первой космической, ибо именно она составляет важную границу между земным и космическим. Всякое тело, которое движется медленней, неминуемо падает вниз, на Землю, и потому остается частью земного шара. Но снаряд или ракета, развившие скорость свыше 8 километров в секунду, на Землю обратно не упадут. Они отделятся от Земли и начнут свободно двигаться в пространстве, обгоняя земной шар по круговой или вытянутой орбите. И движение их определяется теми же законами, которые управляют движением Луны вокруг Земли и самой Земли вокруг Солнца.

Таким образом, спутник — это уже космическое тело, это как бы миниатюрная искусственная луна, построенная на наших заводах. Вот почему мы говорим, что с запуском первого спутника человечество вступило в новую эру своего существования, когда стало возможным не только изучать, но и практически осваивать мировое пространство. Но изготовление искусственных лун было только первым шагом. Дело в том, что, хотя спутник и движется свободно в пространстве в соответствии с законами небесной механики, он все же остается подчиненным Земле. Именно земное притяжение управляет его движением по орбите, не давая ему окончательно покинуть ту планету, на которой он был изготовлен.

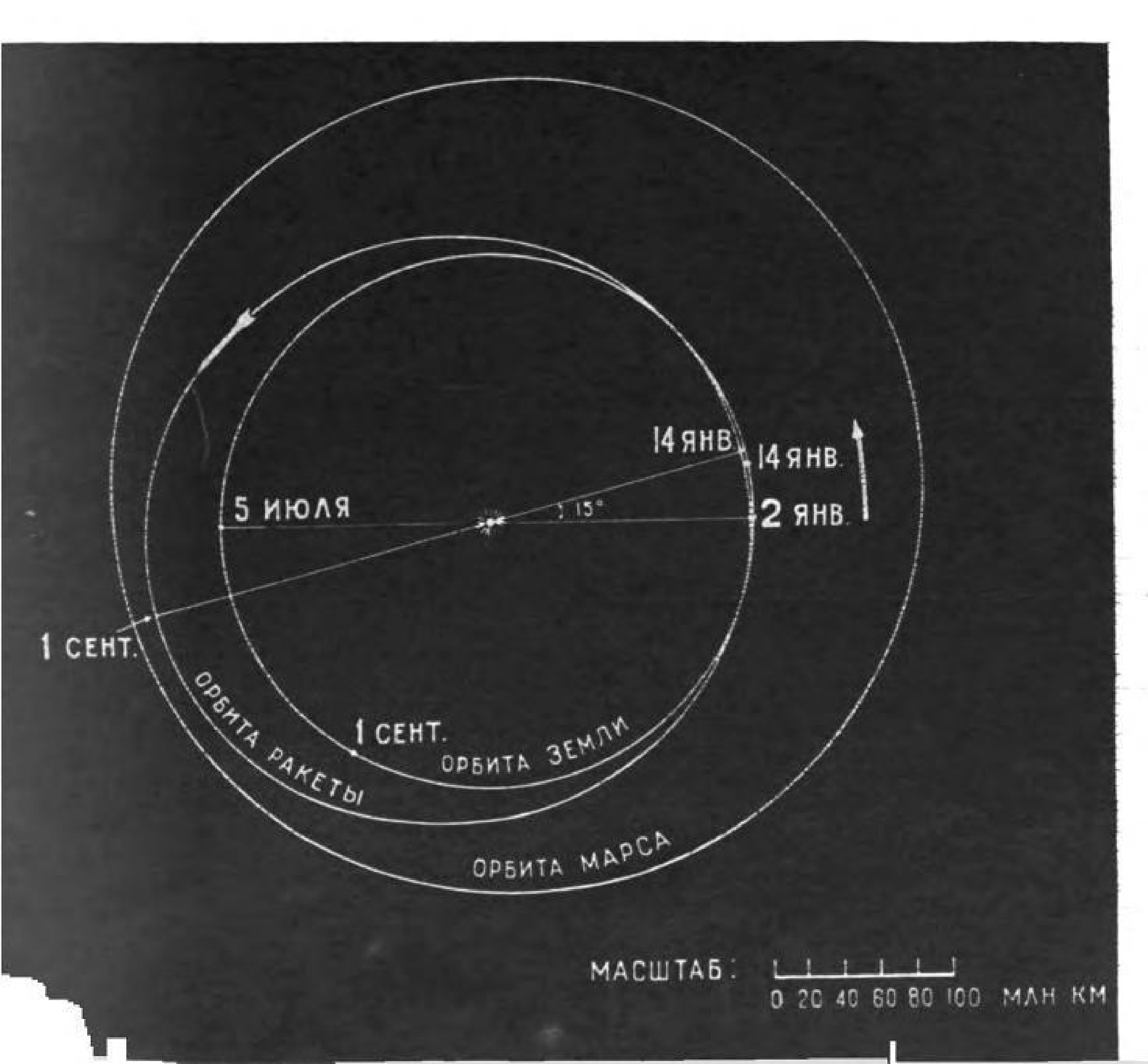
Между тем возможность полностью освободиться от власти земной силы тяжести существует. Давно известно, что она заключается в дальнейшем увеличении скорости до 11,2 километра в секунду, до так называемой второй космической скорости. В этом случае тот путь, по которому станет двигаться ракета, будет параболой — кривой линией, две ветви которой уходят в бесконечность. Следуя одной из этих ветвей, ракета будет удаляться от Земли все дальше и дальше, беспредельно углубляясь в просторы Вселенной. В этом и состоит секрет решения проблемы межпланетных перелетов: космический корабль-звездолет, развивший скорость, превышающую 11,2 километра в секунду, уже не будет связан с Землей, и его можно направить на любую другую планету.

Однако реализовать такую теоретическую возможность на практике очень трудно. Нужен очень высокий уровень ракетной техники, чтобы многоступенчатая ракета, передавая скорость от одной ступени к другой, в конце концов могла обеспечить для последней ступени столь быстрое движение.

И вот эта труднейшая задача была решена в нашей стране. Запущенная 2 января 1959 года межпланетная ракета не только впервые в истории вышла за пределы земной атмосферы, направилась к Луне и прошла недалеко от нашего природного спутника, но и помчалась дальше, в просторы солнечной системы. Достигнутая ею при выходе из земной атмосферы скорость оказалась даже больше необходимого предела.

Таким образом, проблема полета к Луне разрешена. За первой межпланетной ракетой к Луне отправится следующая, с другими назначениями и другого устройства. Возможно, что она не пролетит мимо Луны, как это было в первый раз, а облетит кругом Луны и вернется на Землю. Потом встанет вопрос о посадке ракеты прямо на лунную поверхность.

И, наконец, настанет день, когда на Луну прибудет межпланетный корабль с пассажирами. Но перед этим придется разрешить основной вопрос: как этому кораблю вернуться обратно? Ведь все те ракеты, которые уже были запущены в форме спутников или межпланетных кораблей, назад в сохранности не возвращались. И, тем не менее, есть все основания надеяться, что человеку удастся попасть на Луну и вернуться с нее.

На схеме в масштабе изображены орбиты Земли и Марса — они почти не отличаются от окружностей — и орбита искусственной планеты, которая представляет собой более вытянутый эллипс. Ближе всего к Солнцу (в перигелии) ракета будет 14 января. 1 сентября она будет на наибольшем удалении от Солнца (в афелии) и приблизится к орбите Марса. Земля бывает в перигелии 2 января, а в афелии — 5 июля.

Период обращения искусственной планеты вокруг Солнца (ее год) составляет 15 месяцев. Поэтому через каждые 5 лет она будет сближаться с Землей.

Мы рассматриваем планетную систему, находясь над северным полюсом Земли. Поэтому движение всех планет на схеме происходит в направлении, противоположном часовой стрелке.

дали!

Но вернемся к космической ракете, которая была запущена 2 января. Какова ее дальнейшая судьба? Правда ли, что она уйдет от Земли бесконечно далеко? Нет, ракета слишком далеко от нас не уйдет. Дело в том, что скорость в 11,2 километра в секунду позволяет освободиться от притяжения Земли. Но ее недостаточно, чтобы преодолеть притяжение Солнца. Поэтому, отделившись от Земли, ракета начинает двигаться под влиянием притяжения Солнца. Она начинает обращаться вокруг Солнца совсем так, как это происходит с Землей и любой другой планетой. Ракета превращается в новую планету.

Планета, созданная искусственно! Мир рукоплещет этой великой победе человека над природой.

Благодаря применению современных счетно-аналитических машин, позволяющих очень быстро выполнять самые сложные вычисления, мы теперь имеем представление о той орбите, по которой вновь изготовленная планета будет совершать свой путь вокруг Солнца. Ее путь в пространстве будет отличаться от земной орбиты не очень сильно. Этот путь представляет собой эллипс, несколько более обширный, чем эллипс земной орбиты, и несколько больше вытянутый.

Поскольку путь длиннее, ракета будет затрачивать на один оборот не 12 месяцев, как Земля, а 15 месяцев. При этом она будет подходить то ближе к Солнцу, чем это возможно для Земли, то отходить от него дальше. Сейчас она приближается к Солнцу. 14 января она пройдет точку своего пути, которая от Солнца всего ближе и на которой ее расстояние от дневного светила составит 146,4 миллиона километров. Затем, продвигаясь вперед по эллипсу, она станет понемногу удаляться от Солнца и в сентябре пройдет наиболее удаленную точку пути, отстоящую на 197,2 миллиона километров.

Такое обращение ракеты вокруг Солнца может длиться неопределенно долго, пока какая-нибудь случайность, вроде удара метеорита или встречи с другим космическим телом, не внесет здесь каких-либо изменений.

В своем движении ракета будет иногда встречаться и с Землей, проходя от нас на недалеком сравнительно расстоянии. Но заметить ее при этом едва ли удастся, так как она тело небольшое, и потому рассмотреть ее на тех дистанциях, на которых обычно наблюдаются небесные тела, трудно даже при помощи телескопа.

Как бы то ни было, но человек, столь успешно преобразующий природу Земли, начинает распространять свою деятельность и на другие части солнечной системы.

Нет сомнения в том, что на этом пути ему предстоит свершить великие дела, к числу которых, в частности, относится достижение всех планет и спутников солнечной системы.

— С НОВОРОЖДЕННОЙ!

Рисунок Л. Смехова.

Красный вымпел в космосе

Типографские машины работают слишком медленно.

Медленно работают писатели.

Физики и инженеры перехватили у них инициативу.

Советская искусственная планета преодолела земное притяжение. Она послала по пути воздушный поцелуй Луне. Она движется теперь вокруг Солнца под красным флагом Советов.

Я вижу: уже близко время, когда не только рабочие будут инженерами, но и инженеры — поэтами. При нашей жизни великая проза решений Коммунистической партии будет претворяться в великую поэзию, письмена которой будут читаться в межзвездном пространстве. В поэзию, которой будут внимать и фотоны в космосе и люди на Земле, сидя за обильным столом. На всей Земле!

Академик Леонид Седов сказал мне несколько недель назад в Москве, что недалеко то время, когда межпланетные корабли с людским экипажем полетят на Марс и Венеру. А профессор Александр Михайлов в Пулкове шутливо предсказал, что, если дела пойдут хорошо, десант людей, опустившихся на Луну, будет варить сосиски на газе, поднимающемся из лунного кратера Альфонс.

Да, советская космическая ракета — это генеральная репетиция не дальнего, а уже ближайшего грядущего!

Где граница между фантазией и реальностью? И как смешно выглядят сегодня со своей мышиной возней те, кто уже осужден стать обломками истории! Как нелепы их атомные генералы, чванно брящающие шпорами!

Маленький красный вымпел, так близко глядевший в лицо Луне, я приветствую тебя! Горячая кровь сердца, лучшие заветы Великой революции сопровождают тебя в пути, кровь сердца и надежды великого народа, всего огромного человечества!

Стефан ГЕЙМ

Берлин.

РАЗГОВОР С ИНОСТРАННЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ

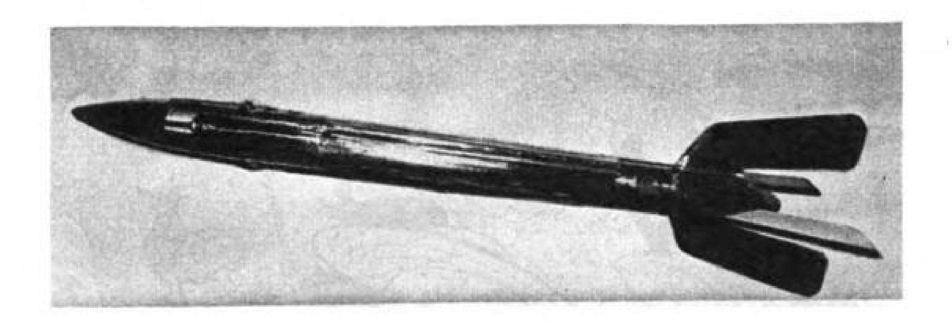
Мих. МАТУСОВСКИЙ

Волнуются корреспонденты,
Шумят, выбиваясь из сил:
— Скажите, пожалуйста, точно:
Кто вашу ракету пустил?
Кто создал для каждой ступени
Особого сплава литье?
Каким неизвестным горючим
Смогли вы заправить ее?
Какая подъемная сила
У ваших межзвездных ракет?
Ну что ж, господа журналисты,
Придется открыть вам секрет.
Вы помните выстрел «Авроры»,
Раздавшийся в памятный срок,—
Ведь он и направил ракету,
Давая ей первый толчок.
Целинных земель новоселы,
Проходчики горных пород,
Строители нового Братска
Ее посылали в полет.
Великая партия наша,
На все вдохновляя дела,
Ее в направлении к Солнцу
По строгому курсу вела.
Мы волю свою и характер
Вложили в ступени ракет,
А сплава надежней, чем этот,
На свете, наверное, нет.
Все наши мечты и надежды,
Огонь наших вечных идей
Ее поднимали все выше,
Давали горючее ей.
Вдоль звезд, словно вдоль светофоров,
Достигнув гигантских высот,
Тепло наших рук сохраняя,
Уходит от нас лунолет.
С годами становится шире
Советских деяний размах,
И лучшие книги фантастов
Стареют у нас на глазах.
Становятся явью мечтанья,
Сбываются смелые сны.
Итак, господа журналисты,
До встречи в районе Луны!

ВЫСОТА ВЗЯТА!

Рисунок В. Кащенко.

ПРЕДШЕСТВЕННИЦЫ...

Есть у Константина Эдуардовича Циолковского научно-фантастическая повесть. Называется она «Вне Земли» и рассказывает о том, как шестеро ученых осуществили дерзновенный опыт — построили ракету и улетели на ней в Космос.

«— Через полчаса мы прибудем на Луну,—сказал Иванов.

Светлый зонтик под ногами разрастался и занимал чуть не половину неба. Сердца... бились тревожно. Горы, долины, скалы, кратеры были видны так ясно и близко, как земной ландшафт... Казалось, несколько верст отделяют Луну от путешественников. Да так оно и было...»

— Фантастика? Конечно! — сказал бы любой еще год назад.

— Фантастика? Нет, нынешний день нашей науки,— ответит каждый сейчас, когда первая межпланетная ракета стала искусственным спутником Солнца.

Но, понятно, не сразу удалось создать столь уникальную ракету. Ее постройке предшествовали многочисленные опыты, теоретические расчеты, поиски. У космической ракеты было много славных предшественниц.

Еще в 1932 году в Москве и Ленинграде были созданы группы по исследованию законов ракетного движения. Вскоре после этого была спроектирована ракета. Вы ее видите на верхнем снимке. Диаметром всего в 16 сантиметров и длиной в 2 метра 45,7 сантиметра, она имела двигатель, работающий на жидком кислороде и смеси бензина с парафином.

17 августа 1933 года был дан старт этому первенцу. Ракета стартовала вертикально вверх и благополучно достигла высоты в несколько километров...

Шли годы. Появилась и метеорологическая ракета. Инженер А. Касаткин рассказал о ней в Вашингтоне, на Международной научной конференции по исследованию верхней атмосферы. Рассказ этот буквально вызвал фурор.

Вскоре после этого мир был поражен сообщением о запуске баллистической ракеты. Взлетели ввысь первый, второй, третий спутники. Их вынесли на орбиту ракеты, созданные плеядой талантливых советских людей.

Вот как показано это в фильме, один из кадров которого мы печатаем.

...В кромешной тьме ночи вдруг вспыхнул яркий огонь. Он словно выплеснулся из ракеты, толкнул ее вверх, медленно, будто нехотя, поднял на несколько метров и, все ускоряя бег ракеты, унес ее в поднебесье. И вот уже видна только крохотная черточка, осталась лишь огненная точка. Ракета скрылась...

Б. КОСТИН

Профессор Уильям Дюбуа:

—Вы преподали урок США!

Корреспондент «Огонька» обратился к известному американскому ученому Уильяму Дюбуа с просьбой поделиться своими мыслями по поводу запуска советской ракеты в сторону Луны.

— С 1926 года, с тех пор, как я впервые посетил Советский Союз,— сказал профессор Дюбуа,— меня всецело захватило то, что происходит в вашей стране.

Теперь я твердо верю в методы и идеи коммунизма, хотя и живу постоянно в США, где продолжительное время насаждается мысль, что коммунизм — это «заговор против цивилизованного мира».

Помню, как однажды в 1953 году, намереваясь выступить на собрании американского союза учителей, я хотел сказать, что система образования в Советском Союзе лучше, чем в США. Но устроители просили меня не говорить этого, так как «никто бы не поверил такому». Тогда я вообще отказался от выступления.

Ну, а потом вы запустили первый ваш спутник. Он совершенно ошеломил Соединенные Штаты. Ведь никогда раньше государство, в котором я живу, не верило в советскую науку.

И вот снова потрясающее событие: ракета, которая прошла рядом с Луной и вышла на солнечную орбиту! Новый триумф советской науки, техники, образования! Тем более, что совершено это в благородных целях научного познания мира.

А в моей стране подобные опыты находятся исключительно в руках армии и военного флота.

Вот почему запуск вашей ракеты не только огромное научное и техническое достижение, но и гигантский шаг к укреплению мира, ибо еще раз Советский Союз преподал урок США, доказав свое миролюбие.

РАКЕТНЫЙ ШОК

Зал Международного телефона на московском телеграфе. Дежурные телефонистки наперебой выкрикивают: «Рим — шестая кабина!»; «Лондон — двенадцатая кабина!»; «Париж — третья кабина!» Журналисты вскакивают, как от удара электрического тока, и, выхватывая из пишущих машинок готовые листки, мчатся к кабинам. Дело не шуточное: надо поспеть сообщить сногсшибательную новость: запуск первой в мире космической ракеты, да еще из Советского Союза!..

Эту на редкость живописную картину я наблюдал ранним утром 3 января, терпеливо дожидаясь, когда наступит моя очередь передать новогодний привет друзьям в Будапеште. Вдруг мое внимание привлекла фигура человека, полулежащего в одном из кресел, расставленных для ожидающих очереди. На его лице было написано полное и безнадежное отвращение ко всему происходящему...

То и дело какой-либо журналист вставал из-за машинки или останавливался на обратном пути из кабины, чтобы пожать руку этому обмякшему и находившемуся в полузабытьи человеку. Видно было, что всем хотелось как-то растолкать его и вернуть к действительности. Увы, все усилия были тщетными. Фигура издавала нечленораздельные звуки, похожие на стон или рычание, бормотала какие-то беспомощные фразы, в которых едва различалось слово «ракета», и затем снова валилась обратно в кресло.

Двое журналистов решительным шагом подошли к нему, поставили на ноги и стали крепко трясти за воротник. Ничего не помогало.

Меня заинтересовало, кто же может быть этот человек, так сказать, «отсутствующий» в момент, когда внимание всех было приковано к выдающемуся событию, о котором уже знал весь мир. Я обратился к одной из дежурных телефонисток. Она взглянула в указанном мною направлении и сразу же, видимо по опыту, узнала того, кем я интересовался. Это оказался корреспондент американской газеты «Балтимор Сан» Нортон Говард. Он был мертвецки пьян и не способен передать своей газете хотя бы несколько слов. Я подумал, что едва ли может быть лучший символ растерянности некоторых определенных кругов в США, оглушенных свалившимся на них «с неба» ударом: великолепным новым успехом советской науки, имеющим гигантское историческое значение.

Когда я поговорил с Будапештом и покинул Международный зал телеграфа, было уже около пяти часов утра. Фигура по-прежнему возлежала в кресле, бормоча что-то о «проклятой лунной ракете». Я не мог не рассмеяться, настолько это было жалко и комично и настолько не соответствовало атмосфере занимавшегося московского дня, первого дня полета космической ракеты, несущей флаг Страны Советов.

Янош ХЕВЕШИ

Первооткрыватели

Сергей СМИРНОВ

Без шумихи,
а какое дело
На моей Земле совершено!..
Поглядишь — и нет ему
предела.
Выше всяких вымыслов оно.

Мастерам —
почет и уваженье.
Вызов брошен.
Цифры говорят,
Что за грань земного
притяженья
Вышел наш
космический снаряд.

Плотный,
Из земного матерьяла,
Он пробился
в дальние миры.
И Земля
Впервые потеряла
Чистым весом
тонны полторы.
Но от этой радостной потери
Ей
ущерба
не было и нет:
Перед нами
Распахнулись двери
К вечным тайнам
неба и планет.
И в седой
бездонной высоте мы
Видим путь планеты молодой,
А на сердце
солнечной системы —
Серп и Молот
С нашенской Звездой!

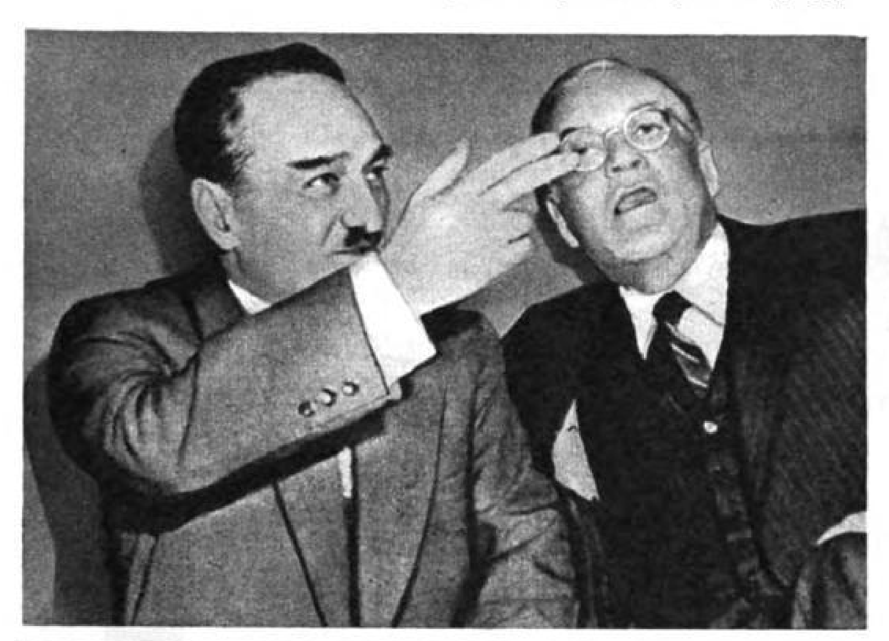
5 января заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Афганистана Его Высочество Сардар Мухаммед Наим нанес визит в Кремле Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

Фото А. Гостева.

Во время пребывания в Соединенных Штатах Америки первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян имел 5 января продолжительную беседу с государственным секретарем США Джоном Фостером Даллесом, которая состоялась в государственном департаменте США.

Фото Ассошиэйтед Пресс (снимок принят по фототелеграфу).

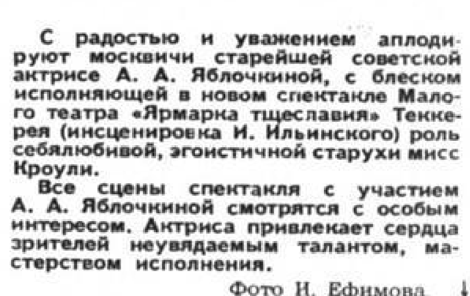

Новая станция метро «Ленинские горы», расположенная на двухъярусном мосту над Москвой-рекой.

Фото И. Тункеля.

В гости к ребятам на «Елку дружбы» во Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина приехал Поль Робсон. Праздник кончился, но детвора долго еще не отпускала Робсона: о многом хочется поговорить!

Фото Л. Доренского.

С радостью и уважением аплодируют москвичи старейшей советской актрисе А. А. Яблочкиной, с блеском исполняющей в новом спектакле Малого театра «Ярмарка тщеславия» Теккерея (инсценировка И. Ильинского) роль себялюбивой, эгоистичной старухи мисс Кроули.

Все сцены спектакля с участием А. А. Яблочкиной смотрятся с особым интересом. Актриса привлекает сердца зрителей неувядаемым талантом, мастерством исполнения.

Фото И. Ефимова.

На 310 километров, от Аму-Дарьи до Мургабского оазиса, протянулась в песках пустыни новая судоходная трасса. Таков подарок строителей Каракумского канала XXI съезду КПСС. На снимке: шлюзование судов на головном сооружении канала.

Фото К. Томашевского.

Всесоюзная
СССР
перепись населения
1959

Рассказывают переписные листы

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото О. КНОРРИНГА.

Скоро начнется Всесоюзная перепись населения. Тысячи студентов, врачей, учителей, инженеров со значками счетчика на груди постучат в двери домов, войдут в поезда, гостиницы, появятся на аэродромах и вокзалах. Но в тех областях, куда бывает трудно добраться зимой, перепись проходила заранее.

Мы проехали со счетчиками по горным дорогам Алагирского района, Северо-Осетинской АССР. И каждый заполненный переписной лист, будь то в рабочем поселке, сакле горного аула или домике геолога, раскрывал перед нами новые черты жизни советских людей.

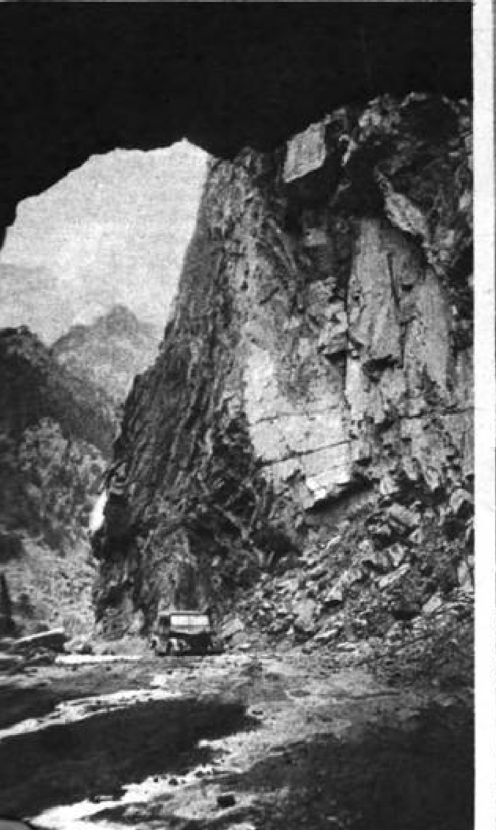
«ГАЗ-69» медленно пробирается по обледенелой дороге, местами припорошенной снежком. Высота — 2 200 метров над уровнем моря. Здесь, у Главного Кавказского хребта, лежит недавно выстроенный высокогорный шахтерский поселок Верхний Згид.

Из-за гор выглянуло солнце, словно захотело показать нам новые аккуратные домики горняков, белое двухэтажное каменное здание средней школы, новый Дом культуры, большой профилакторий. Но не прошло и получаса, как спустился туман и окутал весь поселок.

Вместе со счетчиком Надеждой Асламурзаевной Кайтуковой мы постучали в дом горняка Сафара Цагараева.

— Вторую перепись прохожу на этом месте,— сказал нам, улыбаясь, глава семьи Сафар Гиссоевич (за столом крайний слева).— Но тогда, в тридцать девятом, был тут бедный аул: большого урожая со скупой горной земли не возьмешь. Только один человек в ауле имел высшее образование. А теперь мои дочери и сыновья в институтах и техникумах учатся.

Сам я работаю машинистом компрессорной станции. И дети при мне. Дзамболат, старший,— начальник планового отдела на руднике в Буроне; второй, Соломон, в этом году окончил техникум и работает в шахте горным мастером; жена его, Женя, с высшим образованием, преподает немецкий язык в Згидской средней школе. Девочки, Сима и Тамара, тоже со мной. Сима

работает в швейной мастерской поселка, а Тамара после десятилетки пошла в шахту. Она учетчица и заочно учится в горно-металлургическом техникуме. Только старшая дочь, Дзераса, не с нами: уехала к мужу, в колхоз.

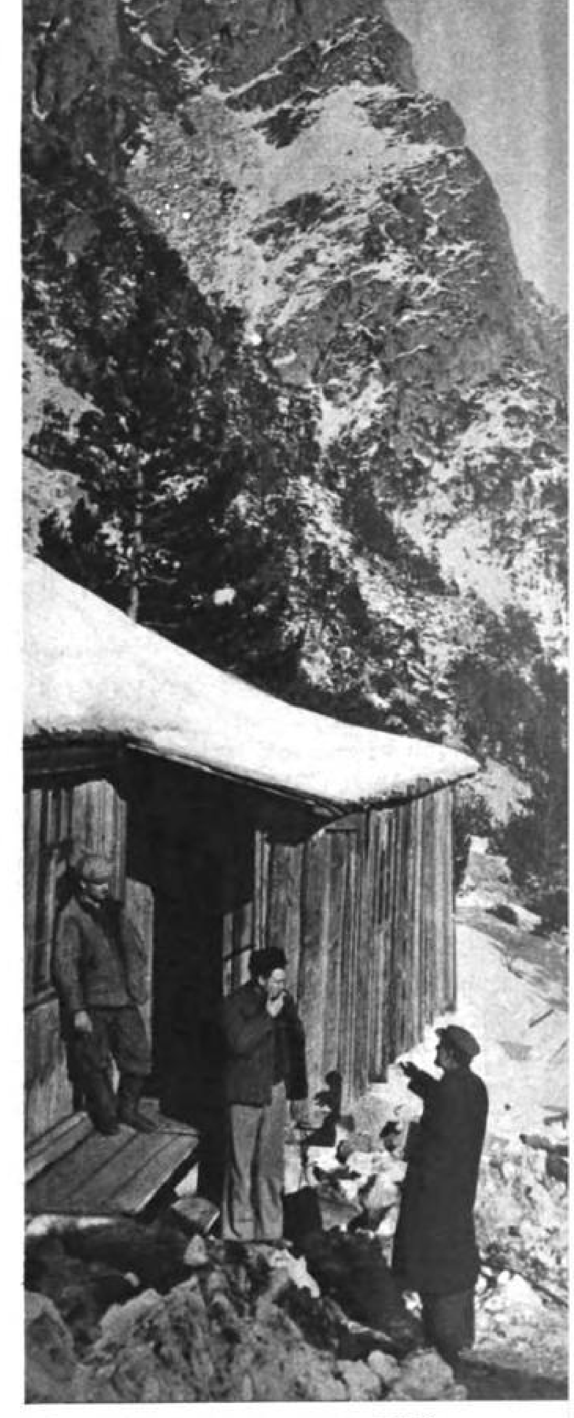
Дзераса тоже сейчас сдает экзамены. Она студентка-заочница 4-го курса педагогического института.

— Уехала сестричка к своему Ромео,— засмеялся Дзамболат и подкинул на руках маленькую черноглазую девчушку,— но зато оставила у нас погостить свою дочку. Рекомендую: моя маленькая племянница, обладательница самого поэтичного в мире имени — Джульетта...

В Адайкомском ущелье у подножия Адай-хоха прилепились сакли двух высокогорных аулов Зарамага. На машине сюда не всегда можно пробраться. Снежные обвалы заваливают узкую горную дорогу. Поэтому счетчик — учитель географии Александр Ерастиевич Дзоциев — отправился в путь верхом.

— Места эти мне хорошо известны. Я ведь и в тридцать девятом году проводил перепись в этих же аулах,— говорит он.— Но тогда я еще учился в школе, а теперь сам преподаю в ней. Раньше, помню, был в школе только один учитель с высшим образованием, а сейчас у нас пятнадцать учителей, и большинство с высшим образованием.

А совсем высоко в горах, почти у самого Цейского ледника, находится геологоразведывательная партия. Произвести перепись поднялся к ним инструктор-контролер Г. А. Хохов. На его долю выпали самые трудные участки. Вот одна страничка из его дневника:

«Высоко в горах лежат аулы Абайти-кау и Кесати-кау. В них живут 170 человек. Мы шли втроем: я и два счетчика. Горную дорогу завалило снегом. Осталась узенькая тропка. Шли, крепко держась за руки. Чтобы ноги меньше скользили, сапоги обмотали мешковиной. Взяли с собой ружья. В горах много волков, а мы могли засветло не добраться до места».

Куда бы мы ни заходили со счетчиками, везде разговор невольно заходил об изменениях, происшедших со времени предыдущей переписи. Но молодой забойщик бригадир Николай Крынин (на снимке внизу) и начальник участка инженер Сабан Акоев предыдущую перепись даже не помнили.

— Эк куда хватили — двадцать лет! Десять лет назад — это еще понятно,— сказал Крынин.

Николай Крынин семнадцатилетним парнишкой приехал из Воронежской области на Згидский рудник. Первые здания поселка сложены его строительной бригадой.

— У нас дома девять детей. Я пошел работать, чтобы помочь вырастить младших. Конечно, дело нашлось бы и дома, но захотелось романтики. А тут было все: горы, скалы, геологи и первые дома поселка. Теперь так полюбил эти места, что из армии вернулся не домой, в Воронежскую область, а прямо сюда.

Крынин учился на взрывника, а потом — на забойщика. Сейчас его бригада первой из бригад Садонского рудоуправления получила право бороться за звание бригады коммунистического труда.

— Сам я, конечно, еще мало сделал,— продолжал Николай.— А вы посмотрите, чего Акоев добился! Пришел шесть лет назад разнорабочим, а теперь инженер, начальник участка. А вы говорите — двадцать лет!..

С Дзоциевым мы направились к старейшим жителям Верхнего Зарамага, Кайтмазовым: супругам вместе уже за двести.

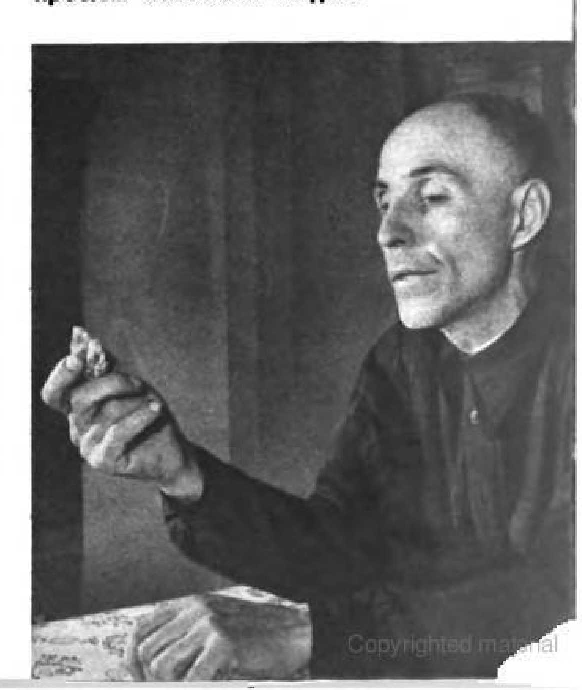
— Уходит народ из аула,— говорит Цола Георгиевич Кайтмазов.— Внизу, на плоскости, богатые колхозы, на руднике хорошие заработки. Туда и идут люди. Старые да малые остались в сакле. Внуки подросли и улетели из горного гнезда. Карум в городе учится на горного инженера, Владимир на руднике работает. И тоже учится, тоже инженером хочет быть. Внучки, и те ушли: одна — в городе на швейной фабрике, другая — в колхозе. Только маленькие да школьники остались тут. А подрастут, улетят и они...

→

Совсем иного мнения придерживается старый геолог из соседнего аула.

— Видите этот кусочек горной породы? Это залог того, что тут будет рудник, значит, сюда придут люди,— уверенно говорит Александр Григорьевич Сикоев.

Сикоев был уже на пенсии, когда в его родных местах появились геологи-поисковики. Душа старого специалиста не выдержала: вместе с геологоразведывательной партией он ушел в горы.

* * *

Переписные листы заполнены и проверены. И за сухими цифрами, графами переписных листов встают жизнь, дела и подвиги простых советских людей.

ЧТО ЗА БОГАТЫЙ КРАЙ СИБИРЬ!

С. ПОДЧАЙНОВ,
начальник отдела по совнархозам Сибири Госплана РСФСР

— Расскажите, пожалуйста, об основном направлении развития экономики Сибири.

— Читатели «Огонька», вероятно, уже хорошо знают, что важной задачей предстоящего семилетия, как это определено в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева, является интенсивное вовлечение в хозяйственный оборот богатых природных ресурсов нашей страны, улучшение размещения производительных сил по ее территории, дальнейшее приближение промышленности к источникам сырья, топлива и районам потребления.

Все это в полной мере относится к Сибири — огромному экономическому району страны. Освоению природных богатств восточных районов Советского Союза, в том числе и Сибири, уделяется особое внимание. Ведь если говорить о богатствах недр, их разнообразии и наиболее благоприятном сочетании, то Сибирь не имеет соперников в нашей стране. Точнее говоря: в Сибири сосредоточено каменного угля 46 процентов, сырья для производства алюминия — 48 процентов и магния — 38 процентов, золота и олова — более 50 процентов, гидроэнергетических ресурсов — одна треть, железной руды — 30 процентов, древесины — почти 52 процента. Сокровища неисчерпаемые! Какие же возможности они открывают?

Богатейшие угольные месторождения, к тому же такие, где добыча будет вестись открытыми карьерами, позволяют на этом дешевом топливе в течение семилетки построить ряд крупных тепловых электростанций: Назаровскую, Томь-Усинскую, Гусиноозерскую и другие. Соединившись с Братской и Иркутской ГЭС линиями электропередач, они создадут мощную сибирскую энергосистему. Стоимость ее киловатт-часа будет в 2—2,5 раза дешевле, чем в других районах страны. Дешевый уголь, дешевая электроэнергия и сырье для энергоемких отраслей промышленности — такое сочетание определило главное направление развития края, о котором еще А. Н. Радищев писал: «Что за богатый край сия Сибирь, что за мощный край!»

Здесь возникнут мощные металлургические заводы с широким применением электроплавки, а также другие предприятия по комплексному использованию рудного сырья. Конечно же, одновременно появятся крупные рудники по добыче железных, алюминиевых, медноникелевых руд, карьеры по добыче известняка и других нерудных ископаемых, оснащенные высокопроизводительным горным оборудованием.

— Вероятно, и в области химии семилетка Сибири будет чем-то знаменательна!

— Конечно. Намечено большое развитие химической промышленности на базе минерального сырья, леса и нефти. Так как до настоящего времени в Сибири промышленные месторождения нефти не обнаружены, нефть в ближайшие годы будет доставляться туда по трубопроводу из Башкирии. Однако можно не сомневаться, что геологи найдут в Сибири большую нефть! И не когда-нибудь в будущем, а в течение семилетки.

Но мы немного отвлеклись. Итак, химия. Что же появится в этой области? Предприятия, которые дадут искусственное волокно различных видов, синтетические смолы, целую гамму полимеров, в том числе различные виды каучука — морозостойкого, маслостойкого, с повышенной прочностью на истирание. Кроме того, шины, пластмассы, химические удобрения, краски, лаки, эмали — это только часть довольно длинного перечня.

В городе Осинники, Кемеровской области, сооружается одна из многих крупных шахт Сибири, «Капитальная» № 3. На снимке: передовые строители шахты «Капитальная» № 3 (слева направо): бригадир штукатуров Н. А. Денисов, бригадир проходчиков Герой Социалистического Труда С. М. Влагинин и бригадир монтажников Н. Ф. Куприн.

Фото Б. Кузьмина.

— А что можно сказать о других отраслях народного хозяйства?

— Сказать можно очень много, но у нас с вами не хватит времени и места для всего: ведь Сибирь так огромна! Все же нужно отметить следующее: возникнут новые заводы электротехнической и приборостроительной промышленности, заводы сельскохозяйственных машин. Предусмотрено расширение других машиностроительных предприятий, занятых выпуском крупного заводского оборудования. Наконец, в этом необъятном районе, где лесные запасы практически неисчерпаемы, встанут комбинаты соответствующих «сибирских масштабов» по переработке древесины.

— Как будет развиваться легкая промышленность? Что намечено в области жилищного строительства?

— И тому и другому в семилетнем плане уделено также большое внимание. Каждый совнархоз построит десятки предприятий легкой промышленности: обувные, сахарные, консервные, сыродельные, по переработке кож, шерсти и многие другие.

Жилой фонд Сибири за семь лет значительно увеличится. На карте появятся десятки новых крупных населенных пунктов. В течение семилетия в Сибири будет заложено более 70 крупных шахт, а ведь возле каждой из них вырастет целый городок. Еще пример: есть в Красноярском крае небольшой поселок Маклаково. К 1965 году он сольется с Енисейском в единый благоустроенный город с многотысячным населением. Стоит ли говорить, что и все краевые и областные центры значительно увеличат свой жилой фонд.

— Отличается ли чем-либо промышленная семилетка Сибири от предшествующих лет?

— Пожалуй, одну особенность нужно подчеркнуть. Она заключается в следующем: если прежде стройки Сибири обеспечивались оборудованием и материалами главным образом из других районов — в основном из Европейской части Союза, то теперь Сибирь в значительной мере сама себя будет снабжать оборудованием, металлом, а также топливом, электроэнергией, лесом, цементом, стеклом, кровельными материалами. Одним словом, Сибирь сама себя будет строить!

И еще: строители Сибири теперь гораздо лучше подготовлены к работе по-новому, с массовым применением сборного железобетона и крупных блоков. Теперь они могут вести в широких размерах строительство индустриальными методами, и притом круглогодично, в трудных климатических условиях. Самыми современными методами Сибирь будет сооружать самые современные предприятия.

— Вот, кстати, об этом термине «современное предприятие». Можно ли расшифровать его на конкретном примере?

— Пожалуйста. Назову, например, Норильский горнометаллургический комбинат. За время семилетки на комбинате будет осуществлена комплексная автоматизация и механизация всех основных и почти всех вспомогательных процессов. Результат? К 1965 году производительность труда повысится не менее чем на 60 процентов!

— Обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева в печати показывает, что по ряду вопросов, касающихся, в частности, Сибири, высказываются разные мнения. Чем это можно объяснить?

— Дело в том, что «виновниками» ряда споров являются... несметные богатства Сибири. Их столько, что, как говорят, глаза разбегаются: с чего начинать, какой район осваивать в первую очередь, а какой — во вторую.

Вот, например, сейчас идет оживленная дискуссия, где прежде создавать металлургические заводы и рудники: в Красноярском крае или в Кемеровской области. И там и там имеются большие промышленные месторождения железных руд и другого сырья. Кемеровцы говорят: надо строить у нас, район наших месторождений более обжит, потребуется меньше затрат, у нас короче транспортные связи, наши руды имеют более высокую технологическую характеристику; красноярцы возражают: нет, строить надо у нас, наши месторождения богаче, рядом с ними есть еще и высококачественные огнеупоры и редкие металлы да плюс большие лесные массивы.

Такова одна из задач, которую задала Сибирь своими богатствами. Как она будет решена, покажет дополнительное изучение.

— В тезисах доклада Н. С. Хрущева сказано о высоких темпах развития народного хозяйства. Каковы же темпы развития Сибири?

— Сибирь будет развиваться бурно и всесторонне. Сравните удельный вес Сибири в капитальном строительстве всей Российской Федерации: в 1958 году — 16 процентов, а к 1965 году — 25 процентов. Намечено, что сибирская промышленность будет расти в два раза быстрее, чем промышленность Федерации в целом.

Если до сих пор мы говорили о Сибири как о важнейшем районе страны с точки зрения больших потенциальных промышленных возможностей, то семилетка сделает Сибирь уже краем реализованных возможностей.

Омский нефтеперерабатывающий завод. Действующие установки.

Омск. Строительство новых домов.

Фото Д. Ухтомского.

«Огонек».

Монтаж трубных узлов на нефтеперерабатывающем заводе.

ТЯЖЕЛЫЙ ПАРЕНЬ

Рассказ

Г. КРЫЛОВ

Рисунки Н. ЦЕЙТЛИНА.

1

День был по-особенному теплым, ясным, солнечным. В воздухе летал тополиный пух. От промазученного полотна пахло подгоревшим машинным маслом. Наши ящики с адресом «Нефтеразведка», сложенные в штабель у пакгауза, издавали запах сосновой смолки.

Он метнулся к нам сверху этакой огромной красно-синей птицей и захлестнул своей шумной речью:

— Почему долго не приезжали?! Три дня сидел и спал на ящиках! Табор уехал на Кавказ. Я ждал вас. Сто раз спрашивал на станции, когда приедете. Надоело здесь, надоело! Ай, молодцы нефтяники! Я караулил ящики. Двадцать три ящика, все целы. Ай, молодцы нефтяники!

Мы его видели впервые. Он был смугл настолько, что кожа на шее и руках отливала синевой. В узком горбоносом лице таилось что-то дерзкое, хищное. Его одежду составляли красная рубаха, синяя жилетка, смушковая папаха, изрядно потрепанная. Каракуль во многих местах был порван, из дыр торчала грязная вата. Казалось, шапку долго и старательно месили в яме, заполненной тополиным пухом.

Его облик, бесшумная, скользящая походка, быстрый говорок — все выдавало бродячего цыгана.

Незнакомец ударил себя кулаком в тощую грудь и заявил:

— Я тоже нефтяник!

Мы-то знали, что в этом не изученном еще приуральском крае нефтяникам пока делать нечего, и решили, что бродяга разыгрывает встречу коллег только для того, чтобы выпросить денег.

Он почувствовал недоверие, и в черных глазах вспыхнул злой огонек. Парень ударил шапкой о замазученную землю, сел на рельс, отвернул голенище и извлек документы.

— Смотрите, кто я! — заявил он с такой гордостью, будто в руке его было удостоверение Героя Советского Союза.

Никогда я не видел такого паспорта! Год рождения указан приблизительно, а место, месяц и день рождения не обозначены. Документ получен всего полгода назад в Баку на основании заключения медицинской комиссии. Имя и фамилия азербайджанские — Сабанов Абду Саубан Оглы.

В тот год ему исполнилось или вот-вот должно исполниться тридцать лет. Однако в трудовой книжке всего единственная запись о том, что он неполных три месяца проработал буровым рабочим на бакинском промысле и уволен за «на...». Далее фраза как бы невзначай залита густыми, радужно отливающими фиолетовыми чернилами. По сохранившемуся последнему слогу «...ны» нетрудно догадаться: парень уволен за нарушение трудовой дисциплины.

За тридцать лет нажить три месяца стажа!

— Как ты жил до бакинских промыслов? — поинтересовались мы.

Цыган уже не держался панибратски, развязно. Он присмирел и как-то сжался внутренне, избегал пристальных взглядов, отводил глаза в сторону.

— Жил, как другие цыгане. Кочевал.

Судя по чернильной кляксе, нарочно посаженной на страницу трудовой книжки, перед нами был плут, дока. Но плутовство-то его было по-детски наивно. Он сидел с опущенной головой. За воротом пламенной рубахи виднелся выпирающий позвонок. Худая шея просила мыла и мочалки. По измятой одежде видно: парень давно не спал по-людски. Чему он мог научиться на промысле за те три месяца? У него не было ни профессии, ни семьи. Сам ли он виноват в этом или так складывались обстоятельства таборной жизни?

Цыган отказался от хлеба, от колбасы, не взял денег. Он просил взять его в поисковую партию.

— Ай, начальник, я все умею делать! Надо обед варить — всегда, пожалуйста! Плясать надо — давай музыку! Ящики таскать — давай ящики!

Цыган обращался к Александру Николаевичу. Имя этого ученого связано с открытием и изучением Волгоуральской нефтеносной области. Многие из экспедиции были его учениками. Александру Николаевичу шел седьмой десяток. Он согласился войти в состав поисковой группы только рядовым участником.

— Но, голубчик, с такой просьбой надо обращаться к Виктору Ивановичу. Он начальник, — указал Александр Николаевич на своего ученика.

Цыган переметнулся к Брускову, закатал рукав по самое плечо, согнул в локте руку.

— Посмотри мою силу!

Рука у него была тощая, бицепс — жиденький, стыдный для мужчины, но не в том дело. Мог ли Брусков взять в поисковую партию человека с сомнительным прошлым, уволенного за нарушение трудовой дисциплины?!

Начальник наотрез отказал.

Тогда цыган расстегнул пояс, стал стаскивать рубаху. Пожалуй, парень прошелся бы колесом, но тут Александр Николаевич заметил:

— Надо помочь. Я взял бы его.

Молодой начальник не упускал случая показать, что всеми делами экспедиции, как и в прошлые годы, фактически руководит наш учитель.

Так цыган вошел в состав экспедиции.

2

На первом привале мы не смогли оценить его кулинарные способности. Взявшись сварить картофельный суп с мясными консервами, Абду Саубан Оглы опрокинул котел в костер. Впоследствии он доказал, что повар из него не получится. У него не то что каша, а даже молоко подгорало. Суп оказывался то недосоленным, то пересоленным.

Впрочем, никто не ждал, что он окажется блестящим кашеваром. Но зато с первой встречи каждый надеялся на то, что с Сабановым веселее пойдет разведка.

Но он обманул и эти наши надежды.

Сперва Сабанов отказывался петь потому, что не было аккомпанемента. Потом мы раздобыли гитару, но наш новый товарищ заявил, что поет и рассказывает только тогда, когда выпьет.

На третий вечер были и гитара и водка. Мы приготовились услышать нечто любопытное о нравах цыган.

Абду Саубан Оглы выпил, крякнул и сказал:

— У цыган так: мужчина как выпьет, так много может кушать. — И занялся закуской.

Больше Сабанов ничего не сказал о нравах своего народа.

Но однажды у костра ни с того ни с сего он запел тягуче, нудно. Его песня без мелодии, построенная на однообразном ритме, как бы отражала покачивание путника на спине верблюда, была тосклива, однообразна, как пустыня. Пел он гортанно, с закрытыми глазами, слегка раскачиваясь и так долго, что нам захотелось спать.

Перевод песни уложился в несколько слов:

Человек едет по пескам.
Человек сильно пить хочет.

— Неужели ты пел по-цыгански? — удивились мы.

— Да, по-цыгански.

— Какой же ты цыган?

— Я люли, среднеазиатский цыган.

Мне доводилось встречаться с люли в Каракумах, возле Небит-Дага. Цыганки-люли не украшают себя монистами и в пляске не играют плечами. Их шея укутана белой тканью; голова, плечи, вся фигура укрыты от взглядов балахоном. Мужчины тоже одеваются по-восточному: носят пестрые халаты с длинными рукавами, ичиги, папахи. Долгие века люли подавлял жестокий восточный деспотизм. Европейским цыганам жилось куда вольготнее. В сравнении с западными собратьями люли — более отсталое племя цыган.

Из своего прошлого Сабанов с удовольствием вспоминал только о бакинских промыслах и о самом городе. Его привязанность, любовь к Баку, в котором он вряд ли жил долго, была удивительно пылкой и ревнивой. В этой ревности он доходил до забавного. Стоило при нем похвалить новые брюки нашего шофера, как Абду Саубан Оглы заявлял:

— Ерунда твой штаны! Вот у нас в Баку штаны!

Хороший отзыв нашего топографа о теодолите нового выпуска сейчас же вызвал такую реплику:

— Ерунда твой теодолит! Вот в Баку теодолит!

Если он и разбирался в штанах, то в теодолитах решительно ничего не смыслил.

3

Сабанов оказался на редкость бесцеремонным, докучливым парнем. Он совался туда, куда ему не следовало бы вмешиваться. Незнание дела не мешало ему с апломбом давать советы. Более того, он затеял с топографами спор о том, где вбивать колышек для отметки первой глубинной скважины. Ясно, что с его мнением не посчитались.

Тут-то Абду Саубан Оглы учинил скандал:

— Обожди, начальник! Не спеши, начальник! Один спешил да умер, и все равно на три дня осталось работы.

Цыган вырвал у топографов колышек и стал размахивать им над головой Брускова.

— Понял, начальник, почему спешить не надо?! Людей жалеть надо. Ты знаешь, сколько весит вышковый фонарь? Нет, не знаешь. Сорок тонн! На своей спине в гору таскать будешь? Буровой насос весит двадцать тонн. Два насоса надо. На спине таскать? А бурильные трубы? А пять дизелей? А лебедка? А ротор? А солярку как возить будешь? Здесь подъем метров сто. Сам погляди.

Только и слышались возгласы: «Вай, начальник! Вай, начальник!» Ошеломленный натиском Брусков пятился от наседавшего Сабанова к краю горы. За его спиной открывался простор: равнина, поросшая травами, пересеченная речкой. Вдали текучими муаровыми разводами струилось по ветру пшеничное поле. А еще дальше виднелись почерневшие соломенные крыши деревеньки и квадраты огородов. За деревней травянистая равнина ползла вверх.

— Зачем возить в горы оборудование? Вон там надо забивать колышек! — указал цыган на то место, где проселочная дорога из пшеничного поля выходила на равнину.

Брусков оборвал его горячие доводы угрозой уволить. Абду Саубан Оглы с таким остервенением бросил кол, что тот на целую четверть вонзился в сухую землю.

Своей скандальной назойливостью Сабанов докучал не только нам. Он измучил придирками работников районной чайной. Ему невозможно было угодить. Если на столе черный хлеб, он настаивал, чтобы принесли белого. Но если уже стоял белый, то требовал и черного. К обеду цыган просил подавать в графине воды, причем обязательно кипяченой, хотя наши желудки выдерживали водицу и из копытного следа. Кроме того, к супу и второму блюду парень требовал репчатого луку, нарезанного колечками. Его не смущало, что это не предусмотрено распорядком кухни.

— Если рабочие люди просят, значит, нельзя подать? — кричал он, выпучив глаза и размахивая руками перед лицом заведующего.

Доставалось от него и повару:

— Зачем в окрошку клал колбасу? Разве это окрошка? Вот у нас в Баку окрошка! Разве так надо обслуживать? Вот у нас в Баку обслуживают!

Вдруг Сабанов отставлял тарелку, вскакивал из-за стола и направлялся к заведующему, выкрикивая на весь зал:

— Почему нет цветов? Давай цветы на стол! Люди работали, люди устали. Ты знаешь, что геологи делают в поле? Нет, не знаешь. Давай цветы!

К концу обеда Абду Саубан Оглы громко требовал счет. В любом случае он вынимал из кармана все свои деньги. Пока официантка вела подсчет, он держал деньги на виду и похрустывал ими.

4

Так довольно скоро обнаружилось, какого тяжелого парня подкинул нам случай.

Тем не менее никому не приходила мысль избавиться от такого тяжелого спутника. Многое прощалось ему, потому что он, выросший в бродячей среде, не привыкший к рабочему коллективу и общежитию, не мог быть иным. За всю свою жизнь Сабанов и дня не провел в школе. Читал он по слогам, шевеля губами, и говорил, что грамоте его обучил один русский парень.

Наряду с неприятными чертами в нем было нечто подкупающее и даже трогательное. Первые дни Абду Саубан Оглы часами занимался компасом. Отойдет, бывало, в сторонку и все крутится, петляет меж деревьев, поглядывая то на солнце, то на шкалу азимутов. Нас забавляло то упорство, с каким этот взрослый человек пытался обмануть намагниченную стрелку. Несколько дней его внимание занимала перемещающаяся капелька воздуха в трубке теодолита. Он подолгу простаивал у движка, с сосредоточенно-задумчивым видом наблюдая за его работой. Вместе с шофером он бросался протирать фары, ветровое стекло, раскручивать и закручивать гайки. Тут он переставал замечать все окружающее.

Вот эта любознательность, его интерес ко всяким машинам, к различным приборам, даже очень простым, подкупали нас, а особенно Александра Николаевича. Мы охотно рассказывали ему об устройстве двигателя внутреннего сгорания, динамомашины, объясняли, почему гремит гром, отчего идет дождь.

Уважал ли он нас? Пожалуй, да. Но это не мешало ему оставлять всю группу без горячего ужина и пытаться объегорить каждого в отдельности. Занятно было видеть, как он старался выменять у шофера новые сапоги за свои латаные брюки. С какой страстью цыган клялся, что идет на такую убыточную сделку ради выгоды друга! Жуликоватый парень в доказательство своего бескорыстия готов был съесть горсть золы.

К осени Абду Саубан Оглы внешне уже не походил на того тощего бродягу, каким пришел к нам в партию. Он пополнел, стал шире в плечах и как будто выше ростом. Парень расстался с пламенной рубахой, синей жилеткой и щеголял в хромовых сапогах, в синих галифе с красным кантом, в ярко-оранжевой кожаной куртке, подбитой мехом, которую приобрел на толкучке в райцентре.

Только папаха из серого свалявшегося смушка, отливавшего желтизной, напоминала о его прежнем облике. Но и эту истрепанную шапку, послужившую на своем веку и головным убором и подушкой, Абду Саубан Оглы носил со щегольством, лихо надвинув ее на лоб, заломив над ухом.

Но изменился ли Абду Саубан Оглы внутренне? Мы не успели прийти к такому заключению: Сабанов исчез.

Он поехал на станцию с шофером. Вдвоем они закончили погрузку валенок, сапог, полушубков. Сабанов зашел в станционный буфет закусить на дорогу. Шофер ждал его полчаса, час, наконец отправился на розыски. Ему сказали, что мужчина в оранжевой куртке был в буфете до отхода челябинского поезда на Москву. Какой-то мальчик уверял, будто черный дяденька в красивой куртке сел в поезд с другим усатым дяденькой, таким же черным. Якобы у одного в руках была толстая пачка денег.

Раз пачка денег в руках, значит, в поезд сел действительно Сабанов.

5

Он исчез в тот самый день, когда пришла награда за многие невзгоды, испытанные во время поисковых работ в этом краю.

Особенно тяжелым выдался нынешний, третий сезон. Первую половину лета донимала несусветная жара, а с июля зарядили каждодневные проливные дожди. Грунтовые дороги вконец раскисли, превратились в сплошное месиво грязи.

Лил дождь, ветер вдувал вовнутрь бок палатки; сверху капало то на раскаленную печурку, то за шиворот. А нам и горя мало! По рации сообщили с первой буровой: скважина дала нефтяной фонтан. Сто сорок тонн в сутки! Мы испытывали радость, знакомую только первооткрывателям. По нашему следу в степь придут дорожники, строители, буровики и промысловики. С пригорка на пригорок пролягут бетонированные шоссе; в живописных местах, у рек и лосиных лесочков, вырастут многоэтажные города и рабочие поселки. Ради этого стоит всю жизнь, пока не откажут ноги, бродить по степям и перелескам.

В дни радости мы часто вспоминали Сабанова. Если прежде раздражали его настырность, неорганизованность, излишне темпераментное проявление своих чувств, то теперь мы скучали по тяжелому парню, беспокоились: не повстречал ли он сотоварищей по беспутной жизни? Незадолго до его ухода Александр Николаевич подал интересную мысль: на зиму взять Сабанова в Москву и за время камеральных работ, писания отчета подготовить его к приему на курсы коллекторов. Мы сожалели о том, что не удастся осуществить такое намерение.

Вечером у печурки мы говорили о том, как лучше отметить приближавшуюся годовщину Октября. Вдруг откинулся входной полог, и перед нами предстал Абду Саубан Оглы.

Надо было его видеть! Похудевший, обросший, без сапог, в рваных калошах, подвязанных веревочками. Но зато на голове лихо заломленная папаха из золотистого каракуля, по форме похожая на перевернутый усеченный конус. Сабанов промок до последней нитки, губы его посинели, но глаза сияли.

«Виноватой» в недельной «прогулке» оказалась эта эффектная папаха. Цыган увидел ее в станционном буфете на голове пассажира и стал одолевать земляка-туркмена просьбой продать шапку. Сначала Сабанов предложил все деньги, заработанные за три месяца, потом прибавил сапоги, часы, бутылку коньяка, две авторучки, записную книжку. Вероятно, пассажир понял, что этот парень из поисковой партии никогда не отвяжется от него, и в Москве, на Казанском вокзале, уступил папаху.

Мы не знали, ругать Сабанова или смеяться. Случись подобное неделей раньше, его бы выгнали. Но в тот момент все были настроены благодушно. Ветер, дождь, грязь — ничто не могло ослабить радости первооткрытия. Только Абду Саубан Оглы ворчал на промозглую сырость и непогоду, разматывая пропитанные грязью портянки. В наказание мы не спешили сообщать ему радостной вести.

Когда Брусков сказал о нефтяном фонтане, цыган гикнул и пошел босиком выделывать чечетку. Не беда, что тесна палатка, мал пятачок пола, а из-под ног разлетаются брызги! То была настоящая, удалая пляска. Мы дружно хлопали в ладоши, отбивая такт, подзадоривая танцора.

Неожиданно Абду Саубан Оглы замер в задумчивости и выдал Брускову довольно странный комплимент:

— Ты фартовый человек, начальник! Ты в тюрьме сидеть не будешь. — И, присев на корточки возле Виктора, добавил: — У нас в Баку, если найдут нефть, премию получают.

— У нас тоже так.

— Большую премию дают?

— Бывают и такие премии, что геолог может и дом построить и легковую машину купить.

— А мне дадут премию?

— В размере месячного оклада. Ты один сезон ходишь с нами, а мы третий год щупаем здесь недра.

— Справку мне дадут?

— Получишь выписку из приказа. В трудовую книжку тоже запишут: «Сабанов премирован за старательную работу в экспедиции № 0725». Не зальешь чернилами такую запись?

Брусков дружески хлопнул Абду Саубан Оглы по плечу. Сабанов поморщился. Ласка начальника ему явно пришлась не по душе.

— А тебе как запишут?

— Мне напишут: «За открытие энского месторождения нефти».

— Слушай, начальник, пиши и меня на большую премию.

— А что толку? Не дадут.

Брусков отвернулся от него к нам. Тогда Абду Саубан Оглы схватил его за плечо и резко повернул к себе.

— А я говорю, пиши! — Его ноздри побелели, зрачки горели зеленым огоньком. — Пиши все, как было! Я ночью выдернул колышек из горы. Я отнес колышек за три километра вниз и вбил у дороги. Я показал вышковикам, где ставить буровую. Я открыл эту нефть.

Будто молния сверкнула в палатке — так поразило нас это признание. Мы забурили обыкновенную «дикую кошку»! Так в Соединенных Штатах называют разведочную скважину, заложенную наобум, без предварительных исследований. Большинство из них оказываются сухими. Но что толку в том нефтяном фонтане, если типичная структура месторождения осталась невыясненной! В лощине, куда Сабанов перенес колышек, не было и намека на ту четкую структуру по опорному горизонту нижней перми, которая наблюдалась на горке.

Мы сами дали маху, увлекшись исследованиями на двух других скважинах, решив задним числом произвести привязку той буровой на местности. Не следовало бы посылать Сабанова на ту точку, показывать монтажникам колышек.

6

Брусков двинулся на Абду Саубан Оглы со сжатыми кулаками.

— Ты... Ты перенес колышек! — сквозь зубы, прерывисто говорил он.

От негодования у начальника перехватывало дыхание.

— Да это же... Это же вредительство!

Александр Николаевич вывел Сабанова из палатки. Слышалось, как топко хлюпала грязь под их сапогами, сквозь шум дождя доносилось:

— Вас не обманывают, Сабанов! Мне-то вы верите? Поймите... Вы всех подвели...

Худшего зла, казалось, нельзя и придумать. Не так-то просто на нефтеносной площади выявить точку для отбора горных пород, которые дадут типичную картину геологического разреза. В результате смещения скважина № 1 оказалась немой в геологическом смысле.

Какой черт подкинул нам этого цыгана?! Но Александр Николаевич продолжал в чем-то его убеждать, чему-то учить. Не столь Брускову, сколь ему, знаменитому ученому, зададут каверзный вопрос: почему забурились на три километра восточнее той точки, где целесообразнее заложить скважину? Сумеет ли Александр Николаевич дать такой ответ, который не вызовет смех аудитории?

Стали раздражать порывы ветра, выдувающие дым из печурки, осточертевшее постукивание дождя в натянутый брезент, тусклый свет «летучих мышей», грязь на сапогах. Брусков нервно выхаживал по палатке, при каждом повороте упираясь головой в мокрый наклонный брезент. Наконец он остановился и вынул из планшета трудовую книжку Сабанова. Едва ли цыган понимал, какой вред он причинил экспедиции.

— Лучше бы я из своего кармана потерял тысячу рублей! — наивно сетовал он.

— Перед судом будешь оправдываться! — твердо заявил Брусков.

— Я вышковиков жалел, хотел сделать, как лучше, — не унимался Сабанов.

Абду Саубан Оглы всячески изворачивался.

— Послушай, Виктор, — вмешался Александр Николаевич, — давай утром решим, как поступить с парнем.

А наутро пришла весть о том, что скважина № 2 дала нефтяной фонтан потрясающей силы. Появилась надежда на то, что по оставшимся двум другим скважинам удастся составить представление о характере месторождения.

И уже, как в первую встречу на разъезде, нам стало жаль парня, который все мыкается, не находит себе применения. Сам-то он тянется к коллективной работе, колышек перенес ради хороших намерений: хотел облегчить труд монтажников. Цыган виноват только в том, что темен. Если к увольнению за нарушение трудовой дисциплины прибавится еще и судимость, то парню труднее будет выйти на настоящую дорогу.

Но и оставлять безнаказанным его проступок тоже нельзя.

— Устроим Сабанова в буровую бригаду,— предложил Александр Николаевич.—Там работают вахтами, и за ним постоянно будут наблюдать четыре пары глаз.

Ученый сейчас же по рации связался с директором конторы бурения и договорился обо всем.

Так, из рук в руки, мы передали Сабанова буровикам.

Спустя неделю Абду Саубан Оглы встретился нам неподалеку от той деревни, где по его вине так некстати оказалась забуренной скважина № 1. Он стоял на обочине размытой дождями дороги. На его плече лежало заржавленное долото малого диаметра. Размоченный дождем шлам, застрявший в зубьях шарошек, красноватым глинистым раствором стекал по оранжевой куртке.

Возможно, Сабанов подобрал долото на дороге и нес его на буровую как ценный металлолом. А может, зная, что мы проедем, именно с буровой принес его сюда, чтобы подкупить нас чутким отношением к народному добру.

7

По двум другим скважинам, законченным одна за другой, оказалось возможным представить геологию месторождения. Нефтяной пласт был удивительно мощным. Близость залежей нефти к промышленным центрам и перерабатывающим заводам придавала особую ценность нашему открытию.

Нам не пришлось выезжать с отчетом в Москву: комиссия прибыла на место. За скважину № 1, немую в геологическом смысле, Брусков получил выговор.

В край срочно перебросили крупную контору разведочного бурения. Всю зиму мы продолжали работы по выявлению контуров и запасов месторождения.

С Сабановым нам видеться не доводилось, но при встречах с директором конторы мы всякий раз справлялись, как трудится на буровой наш крестник.

Особых жалоб на Абду Саубан Оглы не доводилось слышать, но все инженеры отмечали, что уж очень он неудобный, скандальный парень. Весной, завершив выявление контуров месторождения, мы заехали на буровую за Сабановым: Александр Николаевич не отказался от своего намерения подготовить из парня коллектора.

Бригада вела спуск обсадной колонны. Абду Саубан Оглы стоял на шаблоне. Едва трубу приподымали лебедкой, он опускал в нее тяжелый металлический цилиндр и, пока нижний конец волочился по мосткам, бежал следом, чтобы успеть вынуть шаблон прежде, чем труба повиснет над устьем скважины.

Уже по одному тому, что Абду Саубан Оглы доверили шаблон, при работе с которым надо быть очень осторожным, чтобы не упустить его в скважину, мы поняли, что в бригаде он на хорошем счету.

— Как жизнь, Сабанов? Как работа?

— Нормально! — ответил он бодро, окидывая нас задорным взглядом.

Он возмужал и в горняцкой брезентовке с крылышками над плечами выглядел богатырем. Лицо раскраснелось от работы. И хотя Абду Саубан Оглы обрадовался встрече, но по тому, как нетерпеливо посматривал он на бригадира, из-за нас приостановившего работу, было заметно, что ему гораздо приятнее с напарником бегать по мосткам, придерживая трубу канатом, чем стоять сложа руки.

— Мы за тобой, Сабанов, — сказал Александр Николаевич. — Поедешь с нами в Москву? Устроим в общежитие, подучим, станешь грамотным нефтяником.

Абду Саубан Оглы на мгновение задумался и, сверкнув белками, схватил руку ученого:

— Ай, спасибо, профессор! Ай, молодец, старик! Не забуду тебя, фартовый человек!

— Погоди благодарить,— заметил Александр Николаевич. — Может, многое придется не по нраву.

— Не за себя спасибо. За тебя самого спасибо! Не надо мне в Москву. Совсем моя голова темная. Сперва на буровой учиться нужно.

— Ты что? — удивились мы. — Не поедешь?

Он окинул взглядом парней в брезентовках, вышку, бурильщика, готового пустить лебедку, и проговорил:

— Не поеду... Давай вира! — по-хозяйски скомандовал и кинулся с шаблоном к очередной трубе.

Мы справились у бригадира:

— Как приживается Сабанов?

— Беспокойно с ним. Суется везде. Третьего дня током его ударило. Насилу отходили. Сам полез к щитку отключать насосы. Наверху норовит работать без пояса. Два раза падал. А то за рычаг лебедки схватился. Самому захотелось приподнять трубы. Садануло так, что неделю болел. У вас, что ли, он колышек перенес?

Как видно, шила в мешке не утаишь.

— У нас, — признались мы.

— За это ребята зовут его «главным геологом»... Да, такие вот дела с ним, — горестно вздохнул мастер.

В бурении за несчастный случай бригадира лишают звания мастера, а то и пожестче наказывают. Мы понимали, как трудно приходится бригадиру с Сабановым.

— Все же вы крепитесь. Как-никак вас целая бригада, работаете вахтами. За одним можно уследить. Надо помочь цыгану занять свое место в жизни.

— Известное дело! Парторг беседовал с нами. Васюткин читать-писать его учит, задачки с ним решает. Вон тот, в фуражке, — указал мастер на рабочего, присевшего перекурить на мешок с цементом.

Как ни замазучена была фуражка, а все же на ней угадывался зеленый околыш, по которому видно, что Васюткин служил в пограничных войсках. Он посмотрел в нашу сторону, и мы заметили: нос успел облупиться на весеннем солнышке.

Мы не только тепло, но с некоторой грустью расстались с Сабановым.

8

Спустя год снова довелось мне побывать в тех краях.

Дорожники возили гравий на полотно намеченной автострады. А вдоль нее по степной целине тракторы тянули сани, сваренные из отработанных бурильных труб, груженные стенами сборных домиков, кирпичом, черепицей, буровым и промысловым оборудованием.

Директор конторы сказал:

— А крестник-то ваш уехал.

Но куда, так и не мог вспомнить.

— Мы ему разряд повысили. Последние месяцы уже верховым работал. Помню, говорил ему: если не понравится на новом месте, приезжай, всегда примем, хоть ты и настырный, тяжелый парень: технику безопасности не соблюдаешь, суешься, куда не дозволено. Денег не будет — шли телеграмму. Всегда поможем. Так и говорил. Советовал еще, если что не так, чтобы обращался там в партийную организацию, райком. А вот куда уехал, не помню. Видать, неплохо приняли, а то вернулся бы...

...Шли годы. Один сезон поисковых работ сменялся другим. В разных уголках страны доводилось слышать от геологов анекдот о том, как цыган открыл энское месторождение нефти. Сабанов чаще всего вспоминался таким, каким мы его видели в предпоследний раз: под дождем, в грязи выше щиколотки, на обочине размытой дороги. Он сгибался под тяжестью долота. С плеча по оранжевой куртке стекал красноватый глинистый раствор.

Где бы я ни был, на адрес экспедиции мне присылают из дому все краевые газеты нефтяников. Интересней всего было читать бакинскую «Вышку». Многие из друзей-геологов стали работать на промыслах Азербайджана. Встретится в газете знакомая фамилия — и вспомнится товарищ, с которым когда-то спал в одной палатке, пил воду из одной кружки, переживал невзгоды и радости поисков. Порой две — три строчки приоткроют любопытную судьбу человека.

Однажды осенью в номере «Вышки» я увидел портрет нефтяника в огромной папахе раструбом. Не столь черты лица, сколь эффектная папаха показалась мне знакомой. Я вгляделся... То был портрет Сабанова Абду Саубан Оглы. Прошло много лет. И каких лет! Скупая подпись сообщала о том, что этот буровой мастер окончил нефтяной техникум и на днях сдал на испытание свою сотую скважину.

Так вот каким ты стал, наш товарищ по экспедиции 0725, тяжелый парень! И для тебя славно прошли эти годы.

Припомнилось, как Сабанов с компасом в руках петлял по полю, стараясь обмануть намагниченную стрелку, как, шевеля губами и потея, читал газету. Теперь он с одинаковой ловкостью владеет и рычагом лебедки и рейсфедером.

Тебя неплохо приняли в Баку. И среди азербайджанцев нашлись Васюткины, которые помогли тебе выйти в буровые мастера, стать студентом и окончить техникум.

Знаю я, нелегко им было с тобой. Своей бесшабашностью ты их не раз доводил до отчаяния. Но, поостынув, твои друзья приходили к одному и тому же: надо помочь парню занять свое место в жизни.

Теперь ты никому не в тягость.

г. Бугульма.

На Амуре

Михаил ГОДЕНКО

Не Днепр, Амур гудит широкий,
Не верба гнется, а сосна.
Из деревушки одинокой
Мне Украина вся видна.

Она пришла в лихие годы
На край Земли искать земли.
И сразу встали на свободе
Колодезные журавли.

И мальвы выросли у хаты
И смотрят в низкое окно.
Земли коснулася лопата,
И в землю брошено зерно.

Когда страна в огне пылала,
Ушел земляк, покинув стан,
Донес двустволку и кресало
До приамурских партизан...

Колышет ветер урожаи,
И солнце светит в добрый час.
Тут степь такая же большая,
Как на Херсонщине у нас.

И по шляхам идут машины,
Комбайны на полях снуют.
Поют девчата про калину,
Про вишню-ягодку поют.

Старухи говорят знакомо
Полтавским плавным говорком.
Желтеет во дворах солома,
И пахнет теплым молоком.

И стены непривычных срубов
Привычно так побелены́,
Побелены́ печные трубы,
Стоят высокие тыны.

Подсолнух светится у тына,
Пылает мальва под окном...
Ты здесь, родная Украина,
Отцовский край, отцовский дом!

Гудит, поет Амур широкий,
Скрипит высокая сосна.
Из деревушки на Востоке
Мне Украина вся видна.

Изучая тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева

40 ГАЗОВЫХ МАГИСТРАЛЕЙ

В семилетке уделяется большое внимание газопроводам и развитию газовой индустрии. Нельзя ли рассказать о применении газа в народном хозяйстве?

Токарь Кировского завода Михаил ОСТРОУМОВ. Ленинград.

На вопрос товарища М. Остроумова отвечают главный геолог Гипрогазтоппрома Комитета по химии при Совете Министров СССР Г. И. ШАБРОВ и инженер-геолог Л. Н. ТИСОВ.

Разговор о будущем одной из самых молодых отраслей нашей индустрии — газовой — нам хотелось бы начать непосредственно у карты.

Посмотрите на европейскую часть нашей страны: рассекая водные, железнодорожные, шоссейные магистрали, прямыми стрелами протянулись широкие трассы. Им не страшны никакие препятствия: ни болота, ни реки, ни стальные пути. Это направления новых газопроводов, которые получит страна к 1965 году.

На эту карту не нанесены существующие магистрали. На ней только то, что будет: 40 новых магистральных газопроводов протяженностью в 26 тысяч километров.

Природный газ богатейших месторождений Дашавы и Ставропольщины придет к Балтийскому морю. Вы видите линии газопроводов, идущие с юго-востока и с юго-запада и сходящиеся гигантским углом в Ленинграде. По пути они снабдят газом десятки больших и малых городов, сотни больших и малых деревень. В Минске начинается ответвление в Прибалтику. Этот «приток газовой реки» принесет голубое пламя жителям Литвы и Латвии.

На трассе Ставрополь — Ленинград лежит кольцо вокруг Москвы. Первая нитка Ставропольского газопровода вступила в строй, как известно, в 1956 году. Вторая его нитка даст газ городам Подмосковья.

Чтоб закончить разговор о северокавказских месторождениях, надо назвать еще газопроводы, идущие в Крым, к Грозному и Сочи.

За Кавказским хребтом предполагается широко использовать газы, сопутствующие нефти. На карте вы видите стрелу, протянувшуюся из Тбилиси и Еревана в Баку.

А сколько городов уже получили и еще получат газ на Украине! Это Сталино и Днепропетровск, Житомир и Кременчуг...

Теперь перенесемся в другой район страны. Саратовский газ поступит не только в Горький, но и в Ярославль и Череповец. Отсюда, с берегов Волги, газопровод протянется к Златоусту. Здесь волжский газ встретится с газом Бухары.

Бухара! О ней надо говорить особо. Еще год — два назад мало кто слыхал или знал об этом обильнейшем месторождении газа, расположенном в Средней Азии. А сегодня на карте газификации страны от Бухары расходятся лучи к столицам среднеазиатских республик и на север, все выше и выше, вдоль Уральского хребта, до Свердловска.

Итак, мы назвали только важнейшие газовые артерии, которые будут питаться природными газами. Мы еще не сказали о других видах сырья газовой индустрии — сланцах, каменном угле, торфе, которые принесут немалую пользу народному хозяйству.

Перевозка твердого топлива на большие расстояния экономически невыгодна. Между тем вырабатывать из него газ очень удобно. Этим газом можно обеспечить такие города и районы, которые находятся далеко от магистральных газопроводов и месторождений метана. В настоящее время решаются вопросы строительства, например, газовых заводов на базе месторождений бурых углей, разрабатываемых открытым способом в Сибири. Для централизованного газоснабжения Новосибирска, Красноярска и других городов достаточно 2—3 таких заводов.

Возрастет также использование доменного газа, коксового газа коксохимических заводов и попутного газа нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих предприятий. В Советском Союзе в 1957 году на базе коксохимических заводов начаты работы по газификации городов, расположенных близ металлургических центров: Кемерова, Нижнего Тагила, Челябинска, Череповца, Кривого Рога и Енакиева.

В ближайшие годы войдут в строй мощные газобензиновые заводы. Выпуск ими сжиженных газов — пропана и бутана — превысит 900 тысяч тонн в год и возрастет к 1965 году в 70 раз по сравнению с 1955 годом. Больше половины этих газов пойдет для снабжения городов и в качестве топлива для автомобилей. Жидкие газы особенно удобны для сельских районов и для пригородов, лишенных городских газовых сетей. Один баллон жидкого газа емкостью 25 килограммов может обеспечить газом в течение месяца семью из 5—6 человек.

Использование природного газа и газа, добываемого из других источников, позволит увеличить производство его в нашей стране примерно в пять раз по сравнению с 1958 годом. Это значит, что в год будет добываться 150 миллиардов кубометров газа!

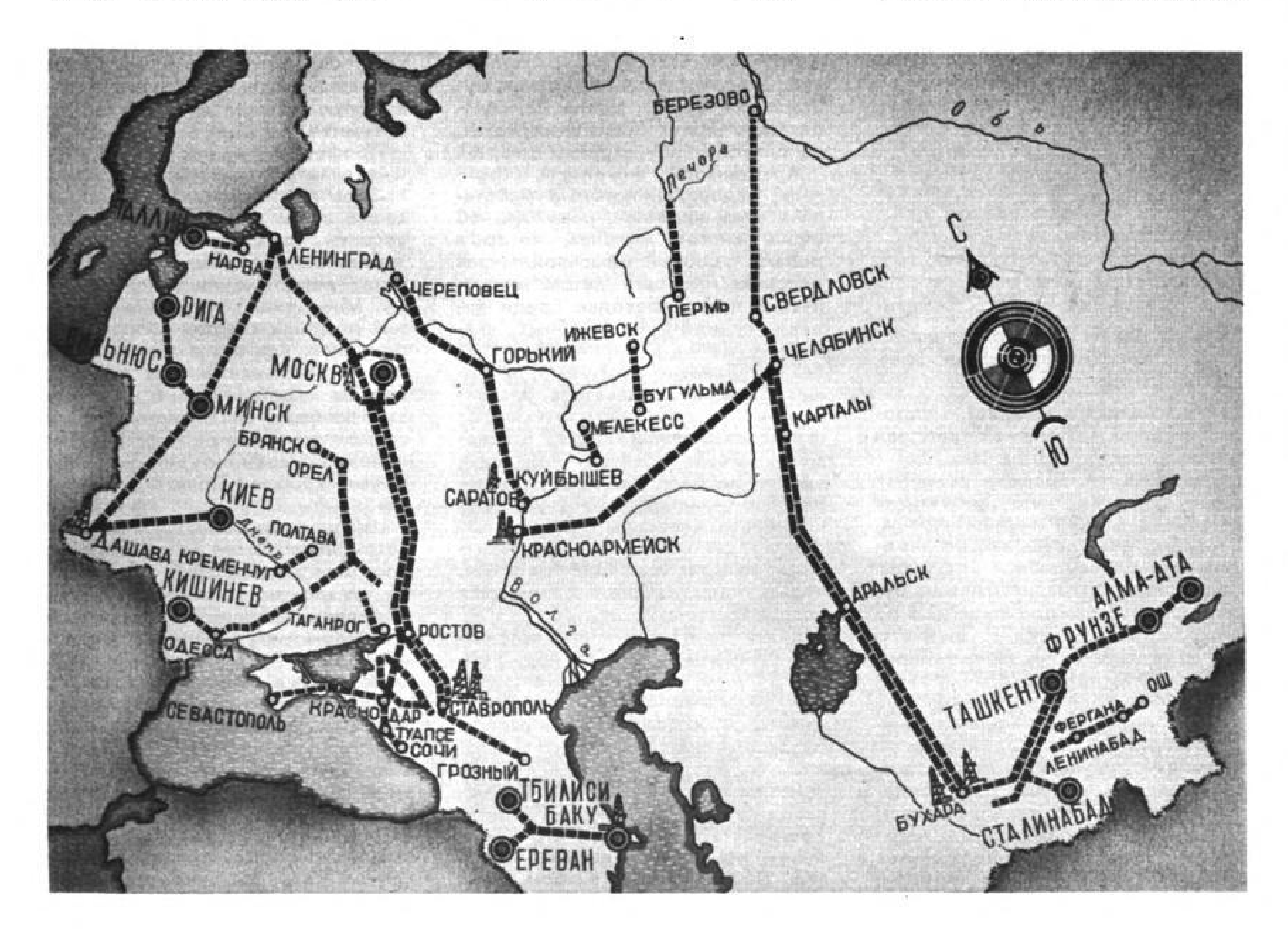
Надо сказать, что такие темпы развития газовой промышленности не имеют себе равных в мире.

Переход на газовое топливо позволит сэкономить 125 миллиардов рублей. Очень большую выгоду это несет и населению. Используя газ, жители только трех городов — Москвы, Ленинграда и Киева — ежегодно экономят свыше 350 миллионов рублей. Ведь для того, чтобы вскипятить один литр воды, надо истратить дров на 10—11 копеек, керосина — на 5—6 копеек, а природного газа — только на 0,9 копейки.

А какая экономия транспортных средств!

Но ныне газ не только топливо, но и драгоценное сырье для производства разных химических продуктов, и в первую очередь синтетических материалов. Для народного потребления будет сэкономлено большое количество зерна, жиров и картофеля. Так, на получение одной тонны синтетического каучука расходуется 8,8 тонны зерна, 22 тонны картофеля, 25—40 тонн сахарной свеклы, а природного газа — 4,5 тонны. В 1965 году будет полностью прекращено применение пищевого сырья для производства каучука.

Большой разгон взяла ныне газовая индустрия. У нее дальний прицел: в течение ближайших пятнадцати лет производство газа в нашей стране должно возрасти в 13 раз.

ТВОЙ ДОМ

Это девятый квартал в Новых Черемушках.

Н. СВЕТЛОВА

**Фото Р. Лихач и С. Фридлянда.
Рисунки И. Волочковой.**

Недавно мои знакомые получили ордер на комнату в новом доме. Ордер долгожданный, и стоит ли говорить, каким радостным было это событие. Смотреть отправились всей семьей.

Но погодите радоваться! Мои знакомые вошли в темную комнату. Да, в темную! Дом был большой, новый, светлый, а комната... узкая, и окно — единственное окно — располагалось почему-то в углу, против двери.

Новоселье было испорчено.

Можно бы и не вспоминать эту печальную историю в дни, когда тысячи москвичей получают прекрасные светлые комнаты. Но одно обстоятельство насторожило нас: эта неудобная для жилья комната была не единственной! Ее родные сестры обосновались на всех девяти этажах.

— Что же произошло? — спросит читатель.— Почему утвердили такой проект?

Оказывается, беда в том, что люди, утверждавшие проект, не видели дома. Они видели чертеж, картинку и, естественно, не заметили одной неудобной комнаты. Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить.

Есть в Москве, в Новых Черемушках, квартал, который создан специально для того, чтобы не размножать ошибок новых проектов. Так он и называется — экспериментальный, и, к счастью, он не один в стране. Если соединить воедино опытные кварталы Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Новосибирска, Челябинска, получится крупный экспериментальный город с домами, прачечными, магазинами, школами, яслями, детскими садами, клубами и кинотеатрами.

Зайдемте в девятый квартал Новых Черемушек.

Вот дома: яркие фасады, разноцветные крыши, красивые балконы, прекрасно оформленные входы. Масса зелени: деревья, кустарники, газоны, цветы на клумбах и в ярких массивных вазах, на балконах и у входных дверей.

Архитекторы, инженеры, строители, садоводы, которые работали в этом квартале, подумали об очень многих мелочах, которые делают удобной, красивой жизнь человека. Хорошо летом отдохнуть в легкой беседке среди зелени, посидеть на удобных скамейках, детям в жаркие дни после игр приятно окунуться, а может быть, и поплавать в бассейнах.

Многие жильцы, въехав в квартиры, были приятно удивлены, увидев на балконах ярко раскрашенные ящики для цветов. Далеко не все новоселы раньше разводили цветы, но раз есть ящики, да еще такие привлекательные, видно, надо начинать заниматься «садоводством»!

В квартале применена свободная планировка—так говорят профессионалы, а это означает, что нет дворов-колодцев, есть место для садов, и дома со всех сторон освещены солнцем, доступны воздуху.

Летом прошлого года в Москве состоялся Международный конгресс архитекторов. Его участникам показали и девятый квартал. Польские архитекторы оставили такую запись: «Истинная радость охватывает при осмотре экспериментального жилищного строительства в Черемушках. Это не только технический эксперимент, но также полный успеха эксперимент улыбки столицы и радости жизни. Мы уверены, что в таких домах, в таких жилищных условиях люди будут жить лучше и воспитывать детей в атмосфере оптимизма».

Профессор архитектуры, бывший главный архитектор Лондона Роберт Мэттью сказал: «Я видел много новых домов в Москве. Советские люди предпринимают энергичнейшие усилия, чтобы быстрее решить жилищную проблему. Мне пришелся по душе девятый опытный квартал в Новых Черемушках, где все подчинено единому стремлению — дать человеку больше удобств. Мне кажется, этот квартал заключает большие возможности для распространения полезного архитектурного опыта в других городах Советского Союза».

Шестнадцать жилых домов в девятом квартале. И каждый из них построен по совершенно отличному от других проекту, и в каждом свои находки, и, разумеется, в каждом могут быть и просчеты и ошибки. Раздаются не только благодарные голоса, но и голоса недовольных жильцов. Одним не нравятся окна шведского типа, где нет форточек; другим кажется неудобной ванна, в которой можно мыться только сидя; большие семьи не устраивает то, что ванна и санитарный узел в одном помещении. Кое-кто возражает против того, что в кухню ведет дверь из комнаты, а кое-кого это,

наоборот, устраивает: хозяйки говорят, что когда они на кухне, то через стеклянную дверь им удобно наблюдать, что делают дети, и не надо все время бегать из кухни в комнату.

Но такова уж участь всех экспериментов! В чем-то ошибся архитектор, ну а к чему-то новому, полезному не сразу привыкли жильцы.

Пройдет еще какое-то время, и в девятом квартале соберется большая конференция. Выступят архитекторы, строители, скажут свое веское слово жильцы, и родится истина, станет ясно, какие проекты и с какими поправками можно будет рекомендовать для массового строительства.

Впрочем, жизнь не ждет, и уже вырос там же, в Новых Черемушках, целый квартал по проекту одного из домов девятого квартала. И если квадратный метр в доме, который строился в одном «экземпляре», стоил 1 580 рублей, то в новом квартале, когда началось массовое строительство, квадратный метр обошелся всего в 1 280 рублей.

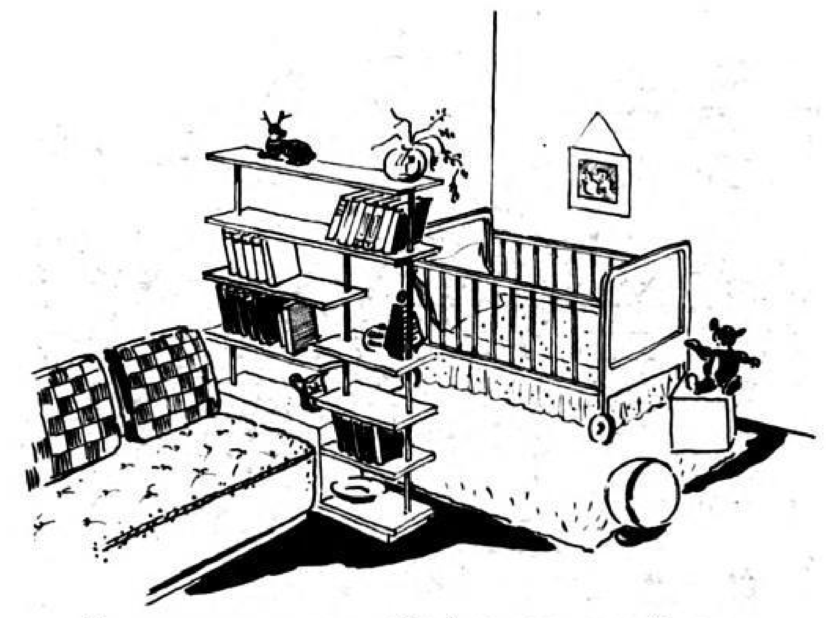
Ну хорошо, а как же строятся дома в обычных, не опытных кварталах? Чем радуют архитекторы завтрашних новоселов? Только ли «квадратными метрами»? Этот вопрос мы задали руководителю второй мастерской Государственного института проектирования городов Л. Дюбеку.

— Архитектор, приступая к проектированию жилого дома, должен предусмотреть массу вещей, кажущихся на первый взгляд мелочью, — сказал Л. Дюбек. — И человек, поселяясь в квартире, часто не представляет, что маленькие удобства в его быту, к которым он быстро привыкает, еще задолго до возведения дома задуманы архитектором. Архитектор представляет сначала, сколько в его квартире будет жить людей, как они могут расставить мебель, где надо расположить дверь и где окно, удобно ли будет проходить между мебелью и из комнаты в комнату. Подумает архитектор и о том, где будущий жилец поставит кровать, чтоб свет из окна не попадал утром в глаза; где письменный стол, чтоб можно было работать при дневном свете; как запроектировать кухню, чтобы всю домашнюю работу хозяйка выполняла здесь и ей не надо было гладить в столовой, а стирать в ванной комнате. И, уверяю вас, еще многие детали встают перед нами, когда мы проектируем квартиры.

— Чтобы построить больше жилых домов, надо экономить, надо их строить дешево. Расскажите, пожалуйста, — попросили мы архитектора, — каким образом вы удешевляете строительство?

— Недавно еще казалось правильным строить большие квартиры, где на 3—4 семьи можно поставить одну ванну, одну плиту в кухне, один умывальник, одну мойку. И действительно, это давало экономию. Но сама жизнь заставила нас строить квартиры для одной семьи. И этот новый принцип строительства, который подтвержден в тезисах доклада Н. С. Хрущева, — колоссальное достижение нашего сегодня.

И в то же время такое строительство экономично. Когда в квартире живет одна семья, можно уменьшить площадь кухни, прихожей, комнат. В малометражных квартирах легко воспринимаются низкие потолки. Все это без ущерба для жильцов позволяет создать большую экономию. Только уменьшение высоты комнат в пяти — шестиэтажном доме дает возможность дополнительно построить несколько квартир!

Так можно отгородить в общей комнате детский уголок.

Расчет на заселение квартиры одной семьей позволяет архитектору сделать ее более комфортабельной: широко применить встроенную мебель, раздвижные перегородки, близко располагать кухню и столовую, делать смежными спальню и ванную комнаты.

Каждая хозяйка оценит встроенные шкафы в прихожей и спальне, не занимающие площади, холодные шкафы в кухне, антресоли и кладовые, где могут храниться вещи, которые нужны только в одном сезоне. Могут быть удобны и стены, целиком состоящие из шкафов, обращенных в две комнаты или в кухню и комнату.

Нам представляется сейчас, — говорит в заключение архитектор Л. Дюбек, — что создавать дополнительные удобства необходимо и другим путем: увеличивать количество комнат в квартире, сохраняя ту же жилую площадь. Это позволит семье удобнее разместиться, меньше зависеть друг от друга, устроить детские уголки и комнаты.

Но вот дом построен, заселен, вас зовут на новоселье, вы входите в квартиру — и не узнаете ее. Во что она превратилась! Загроможденная старомодной мебелью, квартира стала неудобной, потеряла свой современный облик. Исчезла в ней та простота, о которой заботился архитектор, за тяжелыми бархатными занавесами затерялся свет из больших окон, а дверь встроенного шкафа плотно приперта сундуком.

Нет, погодите бранить жильцов! Им надо подсказать, как не по старинке, а по-современному пользоваться квартирой.

Кто это сделает?

Сейчас научно-исследовательские институты разрабатывают, а фабрики начинают выпускать малогабаритную мебель — простую, современную по форме. Большое будущее имеет и так называемая секционная мебель, которая разнимается на части. Этим она, собственно, и удобна, потому что ее по-разному можно расставлять, использовать в зависимости от размеров комнат и приобретать ее можно по частям.

Но пока еще не всегда просто купить в магазинах ту мебель, которая нужна. И еще раз хочется вернуться к девятому кварталу Новых Черемушек. Когда началось заселение домов, в магазин этого квартала привезли удобную мебель для малометражных квартир и продавали ее новоселам. Исполкомам и торговым организациям стоит задуматься над этим опытом.

И архитектору, пожалуй, стоит заботиться о новоселе и после новоселья. Ведь жильцу и невдомек, как, проектируя квартиру, архитектор задумал расположить в ней мебель. Так почему бы не вручать новоселам отпечатанные самым дешевым способом планы расстановки мебели? При типовом строительстве это не составит большого труда и не будет дорого стоить, но принесет большую пользу.

Спальня.

А что должен делать сам новосел?

Многие хотели бы узнать, как устроить быт, как создать уют. Специального массового журнала, посвященного этим вопросам, пока нет. Но Научно-исследовательский институт жилища Академии строительства и архитектуры СССР подготовил к изданию кни-

В одной из квартир девятого квартала.

гу, которая выйдет в 1959 году, «Квартира и ее убранство».

Мы встретились с Ольгой Григорьевной Баяр, одним из авторов этой книги.

— Вот как мы рекомендуем убрать спальню, — сказала Ольга Григорьевна, перелистывая страницы макета будущей книги. — Не надо приобретать дорогие гарнитуры или железные кровати. Можно сделать спальню более уютной и современной, если поставить один или два матраца на невысокие ножки и приставить спинку только с одной стороны — в изголовье. Закрыть постель надо легким пестрым материалом, который должен гармонировать с занавесями на окне. Покрывало можно комбинировать из двух однотонных материалов разных цветов. Тогда такое же сочетание цветов должно быть на занавесях. Для того чтобы днем хранить подушку, надо сшить наволочку-футляр в форме круглого валика или удлиненного прямоугольника — это выглядит более красиво, чем накидка. А если на стену хозяйка повесит зеркало и поставит перед ним любой небольшой столик, задрапированный тем же материалом, что и кровать, то получится милый, уютный уголок. Простая полочка с цветком или скульптурой, табурет, на который можно положить подушку и затянуть материалом, будут не лишними около туалетного столика.

Не обязательно покупать дорогую драпировочную ткань, — продолжает Ольга Григорьевна.— И уж совсем не надо покупать плюш и бархат для оформления квартир. Штапельное полотно, клетчатый эпонж, ситец, маркизет, набивная бязь, полосатая тафта — любой из этих недорогих материалов может послужить вам для штор, покрывал, скатертей. Они декоративны, не собирают пыли, легко стираются.

Очень много значит для удобства и уюта освещение комнаты. Шелковые абажуры сильно затемняют источник света, и вряд ли стоит ими украшать новое жилье. Ни к чему в небольших комнатах и громоздкие люстры. Пожалуй, лучше всего будут выглядеть в современных квартирах подвесы, простые, изящные плафоны, а около стола, дивана, кровати — бра и торшеры.

Подсчитано, что хозяйка, обслуживающая семью в 3—4 человека, за день проходит несколько километров. Но ведь надо удобно организовывать свое рабочее место.

Можно поставить стол около плиты и мойки, над ним повесить настенный шкаф, который нетрудно сделать самим. Навесной шкаф позволит хозяйке не нагибаться, доставая посуду и продукты. На внутренней стороне дверцы можно прибить маленькие полочки с бортиками для хранения специй в баночках, на стенках укрепить крючки для развески чашек.

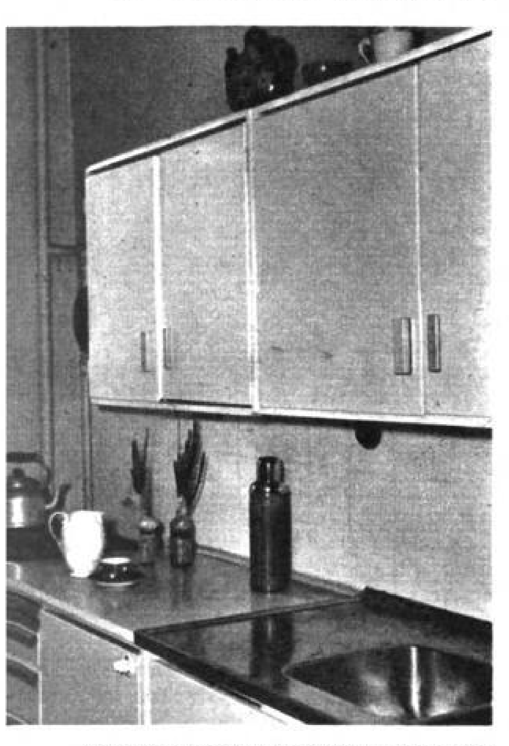
Неудобен в кухне верхний свет, так как тень человека падает на рабочий стол. Боковой светильник облегчит работу и создаст уютную обстановку на кухне, которую часто можно использовать и как столовую.

На кухне могут быть светлые стены, белая клеенка, белые занавески, белый стол, шкаф—это красиво и гигиенично. Но может хозяйка с помощью кисти и нескольких банок краски, яркой посуды и пестрой дешевой ткани сделать кухню нарядной, веселой комнатой, где ее однообразная работа покажется менее утомительной.

* * *

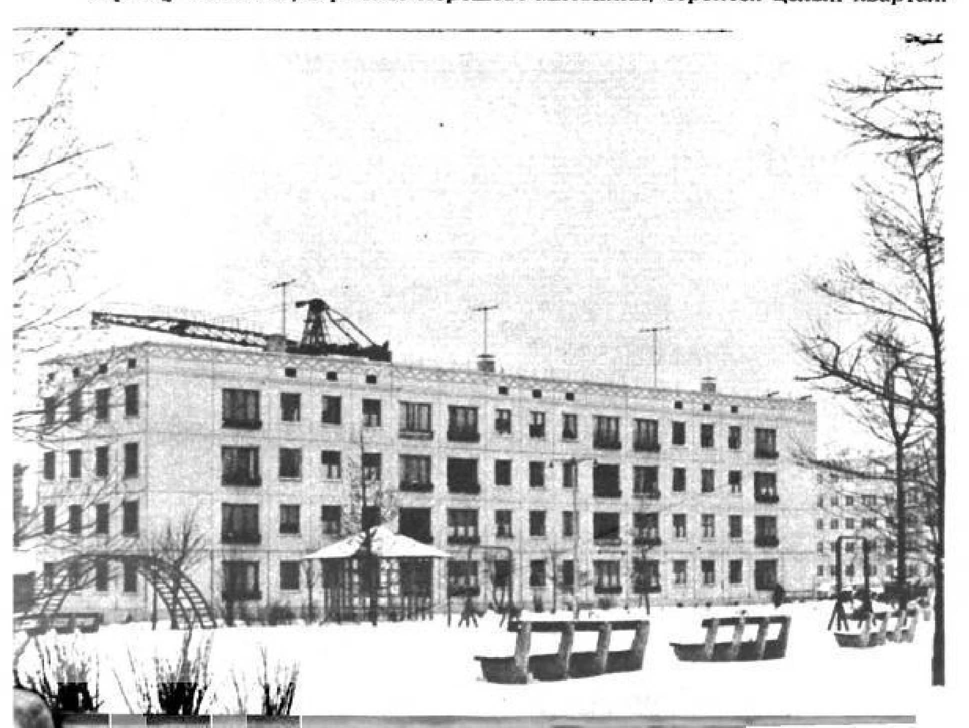
Конечно, есть еще трудности в создании совершенных квартир — красивых, удобных, уютных. Но многое можно сделать, если архитектор будет дружить с жильцами, больше заботиться об удобствах новоселов, о воспитании их вкуса.

И было бы полезно прежде чем строить дом, вынести его проект на суд тех, кто будет жить в этом доме.

В такой кухне приятно и легко работать.

Проект этого дома прошел проверку в девятом квартале. И сейчас по его образцу в Москве, в районе Хорошево-Мневники, строится целый квартал.

РУССКИЕ МАСТЕРА МИНИАТЮРЫ

Н. СОБОЛЕВСКИЙ

Международное бюро Всемирной выставки в Брюсселе наградило Почетным дипломом Палехское отделение Союза художников, золотыми медалями — мстёрскую артель «Пролетарское искусство» и Федоскинскую артель живописцев, серебряной медалью — Холуйскую художественную артель «За изделия из папье-маше». Не в первый раз за рубежами нашей Родины отмечается ювелирно-тонкое мастерство художников-миниатюристов.

Ларцы, шкатулки и коробки различных форм и назначений, портсигары, декоративные тарелки и блюда, очешники, бисерницы, письменные приборы, пудреницы и многие другие обиходные вещи и предметы, побывав в руках виртуозов миниатюрной росписи, становятся драгоценными произведениями народного декоративного искусства.

Современная социалистическая действительность, быт и работа тружеников города и деревни, жизнь природы; темы песенные, былинные, сказочные, исторические и историко-революционные; иллюстрации к русской классической, мировой и советской литературе — многообразны творческие интересы и устремления художников Палеха, Мстёры, Холуя и Федоскина.

В Палехе на большой площади, против памятника-бюста В. И. Ленину, высится здание Государственного музея палехского искусства. На здании укреплена мраморная доска со словами А. М. Горького, большого друга Палеха: «Можно ли было думать, что через иконопись, консервативнейшее ремесло... мастера Палеха и Мстёры придут к их современному отличному мастерству, которое вызывает восхищение...»

Это восхищение закономерно: произведения художников Палеха всегда отмечены поэтичностью, романтичностью образов, виртуозностью техники.

Замечательны миниатюры русского самородка Ивана Голикова, создавшего, в частности, иллюстрации к «Слову о полку Игореве». Подлинники этих работ хранятся в Государственной Третьяковской галерее. Таковы и работы другого основоположника нового палехского искусства, Ивана Маркичева — певца крестьянского труда, разрисовавшего среди других миниатюр декоративную тарелку на тему «Жнитво», и замечательные работы одного из старейших палехских мастеров, Ивана Вакурова, «Охота», и представительницы третьего поколения художников Палеха Тамары Зубковой — миниатюры на темы песен Михаила Исаковского.

Но не только искусством миниатюры славен Палех, где в настоящее время работает около 150 художников трех поколений. Известны работы палешан и в театрально-декорационном искусстве (оформление оперы «Золотой петушок», балета «Сказка о мертвой царевне...»), книжном оформлении (к примеру, оформление книг «Народные русские сказки», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина), в области стенописи и реставрационного дела. Огромная работа проделана палешанами по реставрации фресок и икон старинных соборов Московского Кремля.

Искусство Мстёры и Холуя во многом сродни искусству Палеха. Мастера трех селений Владимиро-Суздальской земли уже с XV—XVI веков занимались иконописью. Истоками искусства Палеха, Мстёры и Холуя является древнерусская живопись и миниатюра.

Но вместе с тем у Мстёры и Холуя свои стилевые особенности, свое, присущее каждому коллективу своеобразие письма. Если искусству Холуя присущи декоративная условность, символика, то искусству Мстёры — большая, чем Палеху, живописность.

Старики Мстёры в прошлом были иконописцами. Им, как и палешанам, многое пришлось преодолеть, прежде чем они вышли сами и вывели на новый путь искусства светской миниатюры молодых художников.

Ныне художники Мстёры разрабатывают в своих вдохновенных композициях самые различные сюжеты. Их творчество в большой мере связано с основополагающей ролью пейзажа. Умело компонуют художники Мстёры в своих миниатюрах темы труда, темы нашей современности, хотя с увлечением работают и над многими литературными, песенными, сказочными темами.

Другим известным очагом искусства миниатюры является подмосковное село Федоскино, где производство изделий из папье-маше существует с 1795 года.

Современные нам художники Федоскина работают в основном в традициях живописи миниатюристов и художников второй половины XIX века. Корни их искусства уходят в благодатную почву прогрессивного течения русской живописи — передвижничества. Художники Федоскина в прошлом были копиистами, пропагандирующими в своих миниатюрах русское искусство живописи (и прежде всего передвижников). Так было раньше. За годы Октября федоскинцы стали художниками-творцами, создателями множества оригинальных миниатюр, исполненных на черном лаке. Зачинателями новых путей в Федоскине были художники Иван Семенов, Алексей Кругликов и другие, а их талантливыми учениками и последователями являются миниатюристы Виктор Липицкий, Михаил Пашинин, Михаил Чижов и многие другие, унаследовавшие от своих учителей традиционные начала реалистического искусства. Так, убедительно исполнена правдивая композиция И. Семенова «Всадник-монгол на верблюде», красочная, полная динамики работа В. Липицкого «Русский танец», лирическая миниатюра М. Пашинина «Снегурочка» (интересная, между прочим, и тем, что фигура Снегурочки написана мастером чисто федоскинским приемом — «по-сквозному», на перламутре) и другие работы, находящиеся в Музее народного искусства.

Много миниатюристов, хороших и разных,— каждый со своим творческим почерком, со своей манерой письма, со своими образами, сюжетами, мотивами — живет и работает в русских селениях Палехе, Федоскине, Холуе и Мстёре.

По стилю разнятся между собой и художники и творческие коллективы селений.

Эти маленькие драгоценности всегда легко отличить одну от другой. Но в них всегда есть и общее: вдохновенность творческих дерзаний, настоящее утверждение красоты жизни и красоты искусства. Тем и дорого нам творчество мастеров русских советских художественных лаков!

И. И. Голиков. Слово о полку Игореве. Выступление Игоря и Всеволода в поход. 1933 г. Палех. Государственная Третьяковская галерея.

И. В. Маркичев.
Жнитво.
Декоративная тарелка.
1933 г. Палех.

Музей народного искусства.

И. П. Вакуров.
Охота на оленя.
Шкатулка. 1956 г. Палех.

М. Г. Пашинин.
Снегурочка.
Шкатулка. 1954 г.
Федоскино.

И. Н. Морозов. Смычка города с деревней. Коробка. 1933 г. Мстера.

Н. П. Клыков. Выезд колхозников на работу. Шкатулка. 1933 г. Мстера.

К. В. Костерин. Мощь Советской Армии. 1933 г. Холуй.

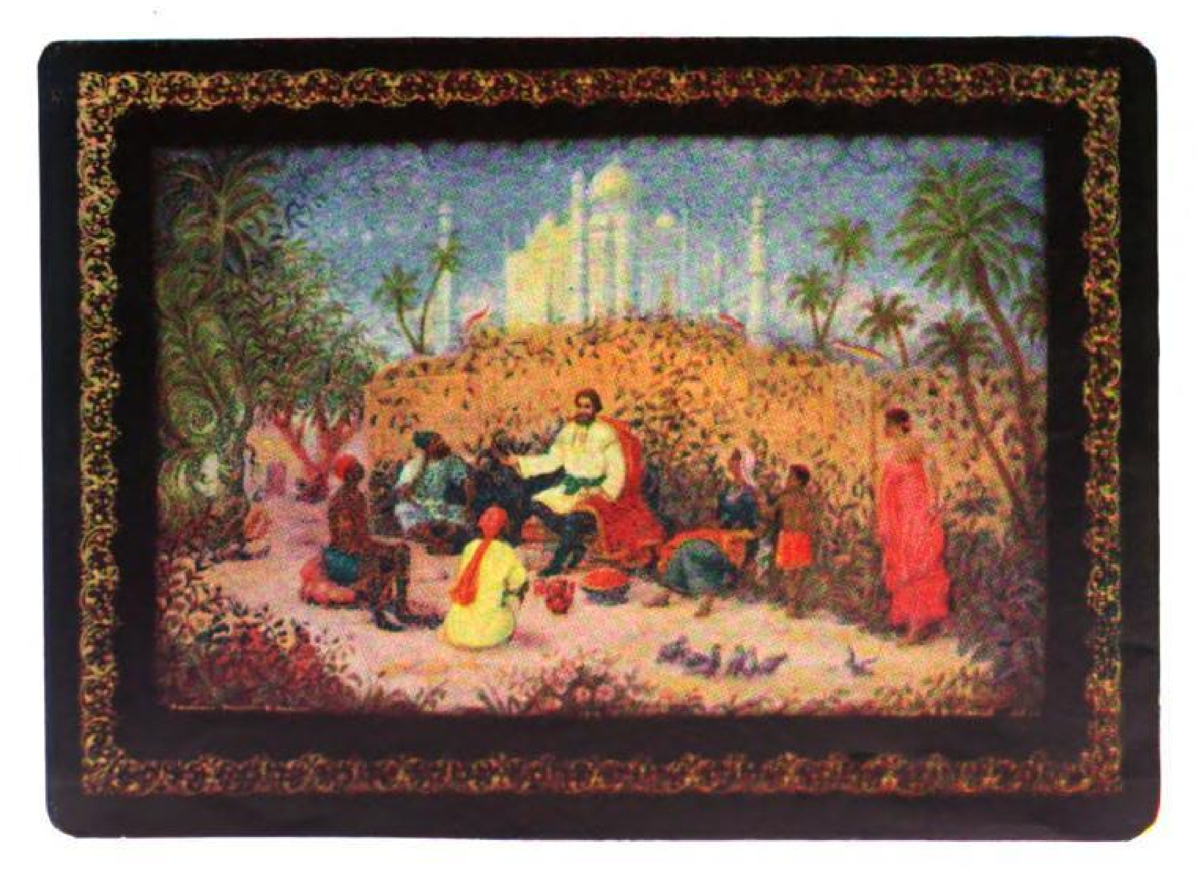

Т. И. Зубкова. Верхняя часть ларца с иллюстрациями на темы песен Исаковского. 1955 г. Палех.

В. Д. Липицкий.
Русский танец.
Овальная коробочка. 1953 г.
Федоскино.

И. С. Семенов. Всадник-монгол на верблюде.
Коробка. 1934-35 г. Федоскино.

В. Д. Пузанов-Молев.
Афанасий Никитин в Индии.
1934 г. Холуй.

Деревце

Рассказ

Л. ВОЛЫНСКИЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Ты деревья видал когда-нибудь?

Вадик призадумался. Нет, настоящих деревьев он никогда не видел, только на картинках, но сознаваться в этом ему не хотелось.

— А я, где скоростя у машины помещаются, знаю! — сказал он, подумав. — Мне мой папа показывал. Там такая палочка на руле, а на конце шарик, на нем все скорости написаны, я знаю.

Папа Вадика был шофер, он третий год ездил на директорском «ЗИМе», а что было раньше, Вадик не помнил. Сережкин же папа был инженер по экскаваторам; они приехали сюда всего полгода назад, а прежде жили на Волге, и Сережка намерен был до конца использовать это преимущество. Пропустив мимо ушей насчет палочки с шариком, он сказал:

— Вот если б ты деревья хоть когда-нибудь видел, тогда знал бы, небось.

— А я и так знаю.

— Знаешь ты!.. Они вон какие, повыше вашей машины.

— Может, скажешь, повыше крыши?

Сережка поглядел на крышу двухквартирного сборного дома, где они жили, и твердо сказал:

— Выше.

Но Вадик не растерялся:

— Может, скажешь, выше шагающего?

Шагающий стоял в голой степи за поселком, километрах в четырех. Он еще не шагал, его только монтировали. Его монтировал Сережкин папа с монтажниками. Шагающий был виден отовсюду, со всех концов поселка. На самом верху его трепыхался маленький красный флажок. Экскаватор был чересчур уж высокий, пожалуй, повыше самых высоких деревьев. Сережка поглядел туда и, подумав, сказал:

— Деревья, они зеленые, понял? Как трава. И на них летом листья. А бывают еще елки, у них вместо листьев иголки.

Тут Вадик расхохотался.

— Елки-иголки!.. — повторял он, хохоча.

Теперь ему стало ясно, что Сережка все дочиста выдумывает. Стихами только сказки рассказывают. Сережка явно попался.

— Елки-иголки!.. — повторил он, нахохотавшись. — Иголками шьют. Думаешь, я не знаю...

— Да не такие вовсе иголки! — сказал Сережка, чувствуя, как рушится все. — Зеленые.

— Ох, зеленые!.. — снова расхохотался Вадик. Смеяться ему уже не очень хотелось, но он все же посмеялся и даже стал прыскать, будто его распирал смех.

У Сережки от обиды слезы подступили к глазам.

— А видал ты хоть, как яблоки на деревьях растут?

— Елки, зеленые иголки! — нарочно повторил Вадик и, набрав горсть пыли, сдул ее с ладони.

— А вишни? — не отступал Сережка.

— Какие еще вишни?

— А такие красные, внутри косточка. Видел, нет?

Вадик набрал еще горсть пыли и стал сдувать ее очень медленно, чтобы иметь время подумать.

— А меня в воскресенье папа на машине катать будет! — заметил он в ответ. — Поедем подальше, где людей нет, и он там поймает суслика. Знаешь, как их ловят?

— А ты груши видал когда-нибудь?

— Груши-игруши, — небрежно сказал Вадик. — Грушки-игрушки...

Он набрал третью горсть и сдул ее на Сережку.

— Ты чего пылью дуешься? — сказал Сережка.

— Грушки-игрушки! — повторил дурашливым голосом Вадик. — Ха-ха!

— А ты не дуйся пылью, — сказал Сережка, — а то живо по шеям надаю!

— Забоялся я тебя! Попробуй только!

— А вот и попробую!

Он подошел поближе и ткнул Вадика кулаком. Затем они сцепились, упали и стали кататься по сухой земле, пока не выбежала мама Вадика. Она разняла их и дала Вадику подзатыльник, а Сережке не дала. Это было несправедливо, и Вадик заревел. Мать увела его в дом и стала умывать под рукомойником, а он все ревел.

— Вот погоди, — сказала мать, больно утирая ему лицо. — Вот погоди, придет отец — все расскажу!

— А чего он про деревья какие-то выдумывает! — сказал Вадик, всхлипывая. — И про елки-иголки всякие...

До ужина его в наказание не выпускали. Вечером же, когда он притворился, что спит, мать тихо сказала отцу:

— Люди, Алеша, как люди живут, а нам, видишь, тесно в Майкопе стало. Нас понесла нелегкая. Мыслимое ли дело, мальчику пятый год, а он еще деревца живого не видел, какое оно! Мальчику витамины нужны, а он пылищу день-деньской глотает.

— Вон мандарины в магазин привезли, — сказал отец. — Дала б ему.

Отец вздохнул. Погодя немного, он заметил:

— Сегодня мы с Николай Фаддеичем в питомник ездили насчет озеленения договариваться. Полторы тысячи саженцев вроде на поселок дают.

— Вырастет тут!.. — сказала мать.

— А чего же не вырастет? — возразил отец. — Тут, говорят, тополь очень даже хорошо расти может. И акация.

— Да уж хоть бы тополь! — вздохнула мать.

Наутро Вадик сказал Сережке:

— Грушки-игрушки... Ты тополь видел когда-нибудь?

— А меня в воскресенье папа вон куда возьмет, — говорил, как бы не расслышав, Сережка и показал в сторону шагающего. — На самый верх. Ты знаешь, чего оттуда видно?

Вадик уклончиво промолчал.

— Оттуда Москву видно, вот чего, — сказал Сережка.

— Не хочу я с тобой водиться больше, — сказал на это Вадик.

— Подумаешь, очень надо! Тебя-то, небось, на шагающий не пустят.

— А вот и пустят.

Вадик отбежал и запустил в Сережку комком земли, но промахнулся.

— А вот и пустят, елки-иголки! — крикнул он, прячась за угол дома.

Вечером он сказал отцу:

— Сережка хвалится, что его на шагающий пустят, на самый верх, а меня — нет.

— Ух ты, великое дело! — улыбнулся отец. — А не страшно тебе будет на самом на верху-то?

В воскресенье отец подъехал с утра на машине. Машина в будние дни бывала серая, и на ней можно было рисовать пальцем, а по воскресеньям с утра — коричневая, как шоколадная конфета, и рисовать на ней уже было невозможно. Пока отец пил чай, Вадик влез внутрь, сел на шоферское место и подержался за руль. Сережка, стоявший как раз у дома, сразу отвернулся. Вадик нажал на белый кружок, — машина загудела. Курица, подошедшая было, перепугалась и убежала, растопырив крылья. Отец Вадика, выйдя из дома, спросил Сережу:

— Может, и ты с нами поедешь?

— Не, — ответил Сережка, хотя видно было, что ему очень хочется.

— Ну, гляди, — сказал отец. — А то, может, поедешь все-таки?

— Очень надо!.. — возразил Сережка, целясь в небо. — Мой папа — инженер, он вас все равно не пустит.

— Ишь ты! — сказал отец Вадика.

Сережкин отец, в комбинезоне и в сдвинутой на затылок кепке, сидел возле шагающего на длиннющей серой трубе, когда они подъехали. Он курил папиросу и объяснял что-то монтажникам, щурясь от солнца.

— А я думал, начальство в воскресенье нагрянуло! — пошутил он.

— Да нет, это я тут героя своего на экскурсию привез. Все наверх, на верхний мостик, просится, что с ним поделаешь!

— Так, так, — улыбнулся Сережкин отец и поглядел на Вадика. — А не страшно тебе?

Наверху действительно было страшно, там дух захватывало. Там сильно трещал на ветру

выгоревший красный флаг. Он был вовсе не маленький, как раньше казалось Вадику. Он был сшит из трех полотнищ и страшно хлопал.

Поднимаясь по железным ступенькам, отец держал Вадика на левой руке, а правой сам держался за перила. Наверху он поставил его на железный пол и сказал громко:

— Ну, теперь, брат, держись, а то сдует!

Вадик охотно попросился бы обратно, но вместе с ними поднялся и Сережкин отец. Вцепившись в перила, он посмотрел вниз и спросил:

— А это что, Москва?

Отец не расслышал; флаг продолжал трещать и хлопать.

— Это что там такое, Москва? — переспросил погромче Вадик.

Отец с Сережкиным отцом рассмеялись. Они долго хохотали вдвоем.

— Это наш поселок, — сказал, посмеявшись, отец. — Ты что, не узнал?

Вадик, нахмурясь, поглядел в другую сторону. Там, еще дальше, виднелись совсем уж игрушечные дома и торчало много башенных кранов.

— А это что? — осторожно спросил он.

— А это Рудный, — сказал отец. — Там новый город строят.

— А Москва где же?

— Москва, брат, далеко. Отсюда не видно...

Отец вздохнул. Сережкин отец спросил:

— А вон рудник, видишь? Там будем добывать железную руду.

Там, куда он показывал, тучей стояла пыль. В пыли виднелись сползающие в длинную яму и выползающие оттуда наверх автомашины-самосвалы, тоже будто игрушечные.

— Прошусь, прошусь на «МАЗ» — сказал, глядя туда, отец Вадика, — да Николай Фадденч не отпускает.

— Это с легковой-то проситесь? — удивился Сережкин отец.

— А что в ней хорошего, в легковой? — сказал отец Вадика, спускаясь по лестнице.— «МАЗ» — это я понимаю машина, на ней работать можно. Чувствуешь, что машину в руках держишь, а не пустяковину какую-нибудь.

Когда они вернулись в поселок, то на улице, где клуб и школа, было полно народу с лопатами, копали какие-то ямки. Дома отец сказал матери:

— Все на субботнике, сходила бы и ты. Неудобно ведь.

— У меня каждый день субботник!

Она мыла пол, подоткнув юбку.

— Видишь,— продолжал отец,— зелень тебе подавай, деревья, а принять участие не хочешь!

Он рассердился и уехал, не поев. Вернувшись вечером, он сказал:

— Семьсот штук посадили сегодня.

Мать, стуча тарелками, ворчала:

— Кажется, мог бы и оторваться на полчасика. Какой уж толк в этом обеде, не знаю. Грето-перегрето, жарено-пережарено!

— Ладно, — сказал отец, — авось, не помру. Я там для Вадика одно деревце взял. Пойдем, что ли, посадим...

Вадик заворочался было, хотел сделать вид, что проснулся, да они уже вышли.

Назавтра он вскочил пораньше и выбежал. Деревце стояло прямо под окном. Оно было огорожено жердочками. Оно было ростом с Вадика, и на нем было много зеленых маленьких листьев. Листья были мокрые, и на них блестели капли. Земля под деревцем тоже была мокрая. Вадик обошел вокруг и потрогал мокрые листья. Тут из-за дома появился Сережка. Вадик отдернул от листьев руку и отошел.

— И все-то ты врешь, — сказал он, отойдя. — Еще говорил, выше крыши...

Сережка не отвечал.

Вернувшись в дом, Вадик поглядел в окно и спросил:

— А яблоки на нем расти будут?

— Это на тополе-то? — сказала мать.

— Будут, будут! — рассмеялся отец; он посмотрел на часы, допил побыстрее чай и, надев кепку, пошел в гараж.

Киев.

Рядовая Красного Креста

Алексис ПАРНИС

Рисунки В. Высоцкого.

— Как будто вчера это было все,
Как будто еще вчера Марусей меня
называли,
Как будто еще вчера я сидела в зале
И съезд комсомола
Ленину рукоплескал.
Как будто вчера в Одессу меня посылали
Болгар-эмигрантов встречать.
Как будто вчера,
Стоя с утра у причала,
Пасионарии смелых бойцов я встречала,
И скольких и скольких еще:
Ведь родня у меня везде! —
Так говорит мне задумчиво и любовно
Пожилая женщина
Марья Петровна,
Всю свою долгую жизнь
Прослужившая в Красном Кресте.

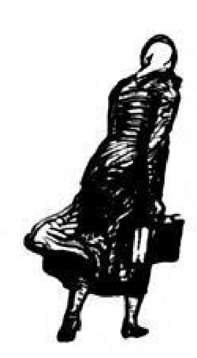
Молча на руку ее смотрю:
Рука у нее груба и темна,
Потому что всю жизнь
Боролась она
С самым жестоким людским страданьем —
Изгнаньем.
Глубоко в душу ее смотрю:
Душа у нее светла и нежна,
Потому что всю жизнь
Дружила она
С самым заветным людским стремленьем —
Возвращеньем.

— О, каким стало сердце многоязычным
За эти годы!
На всех языках
Мне стало теперь говорить привычно
«Добро пожаловать!»
И надежду
Давно научилась теперь называть я
По-китайски и по-венгерски,
По-чешски и по-немецки...
Я русской березой была простой,
Но, чтобы меня понимали братья,
Научилась шуметь
То как пальма нарядная,
То как на Балканах лоза виноградная
То как смоковниц листва тугая,
То как кипарис густой! —

Так, по комнатке скромной своей шагая,
Она говорит.
А я между тем
Смотрю на нее и невольно думаю:
Что если б жизнь раздавала всем
Дома по размеру их чувств,
Их сердец,—
Тогда б эта женщина
Имела, наверно, дворец!

Вон в уголке
Висят фотографии мужа ее и детей,
А всю стену
Занимают портреты совсем непохожих
людей —
Эмигрантов из многих стран;
И кажется мне,
Что будто сама в сторонку
Потеснилась семья родная,

Изгнанникам, братьям своим,
Место освобождая.

— Эта стена словно план
Всей жизни моей!
Ведь каждый день на рассвете,
Дома оставив детей,
Я уходила на службу свою,
Где ожидали меня эмигрантские дети.
Нет, не на службу я шла,
А словно
Шла из одной в другую родную семью! —
Так говорит мне Марья Петровна.

Годы двадцатые.
Годы тридцатые.
Какими суровыми были они!
И служба ее в те дни
Была как просторное летное поле —
Поле дружбы и солидарности,
Где приземлялось со всей планеты огромной
Столько надежд, и боли,
И благодарности!
И, как сигнальщик аэродромный,
Тех, кто измучен был и гоним,
Встречала она
У самого края,
Маленьким алым флажком махая —
Сердцем своим.

А теперь в своих ящиках перебирает
Письма она
Тех далеких дней:
Эти бесчисленные конверты,
Белые, словно волосы времени,
Чьи-то надежды,
Чье-то горе.
Она их ласкает жесткой рукой своей,
Как памяти белые крылья.
Прошлое —
Это давно пересохшее море.
Но, как соль, на дне его остаются
Письма,
В которых еще живет
Отголосок прежних бурь и невзгод,
Крушений
И революций.
Нет, это прежнее море иное,
Чем море сегодняшнее.
Тогда
Одним кораблем лишь владели мы —

Советской страною.
В кольце блокады
Один на один мы сражались сами
Со всею армадой
Вражьей зимы.

А море сегодняшних дней полно
Нашими флагами и парусами!
И те, что вчера в изгнанье томились,
Те дети,
Чьи пожелтевшие фото
Нам улыбаются с этой стены,
Сегодня с победой домой возвратились;
Ты их найдешь сейчас за работой
В авангарде любой страны.
Ты их найдешь,
Овеянных славой
И вдохновляющих молодежь,
Всюду:
У чехословацких домен,
И на лесах возрожденной Варшавы,
И среди роз и шахт в долинах Болгарии,
И в Будапеште,
И в Берлине —
Всюду ты их найдешь!
Да, море сегодняшнее полно
Могучими нашими кораблями,
И время сегодняшнее давно
С нами,
А не с врагами.
Оно все больше принадлежит
Нам,
А не нашим врагам,
Я это знаю,
Как черноморские берега,
Как берега Дуная!

Но воды его еще высоки,
Много в нем бурь и бед,
Ты это помнишь, Марья Петровна,
И ты начеку.
Твой кабинет —
У самого берега наших дней;
Он пахнет надеждою,
Пахнет борьбою,
Как будка спасательной службы, овеянная
Солеными запахами прибоя.

Отсюда, не с этого ли причала,
Раньше всех слов прозвучало:
— Люди за бортом! —
Когда накренился тонущий челн
И очутился я распростертым
Вместе с друзьями
В пенистой яме,
Средь беспощадно бурлящих волн?
И когда поднимали меня
На огромный солнечный борт
Великого корабля — России,
Когда глаза открылись впервые
Навстречу сиянью вольного дня,
Ты первой лицо надо мной склонила
И мне
После стольких бед и потерь
— Успокойся! — по-гречески говорила.—
Все хорошо теперь!..

Годы прошли.
Миновали грозы.
И снова под сенью густой стою
Этой степенной, задумчивой русской березы,
Что шелестит надо мною,
Как серебристый тополь
В нашем родном краю.
И под ее широкой листвою
Я отдыхаю,
Встречаю зарю,
С веселыми птицами говорю,
Что мирно порхают по легким веткам,
Радуясь и звеня;
С крылатой надеждою говорю
И с новыми радостями говорю,
Которые ждут меня.
Гляжу на нее опять и опять
И думаю:
Хорошо бы орден создать,
Единственный — для нее одной,—
Сияющий, как вот эти глаза,
Огромный, как вся любовь ее к человеку,
И, конечно, как сердце ее,
Золотой!
Но тут же смеюсь над своей наивною мыслью,
Как, наверно, смеялся бы я над тем,
Кто сказал бы,
Что солнцу орден мы дать должны
За то, что сияет нам с вышины,
И голубым небесам,
И рекам —
За то, что поля орошают нам,—
И воздуху,
И лесам.

От всей души сейчас я сказал бы ей:
«Марья Петровна, вы — героиня
Наших суровых дней!
Вы — наша родная!
Слава вам!»
Но молчу,
Потому что знаю:
Она удивится моим словам,
Как удивилась бы этому та крестьянка,
Что бежала воды скорей принести
Прохожим,
Измучившимся в пути,
Как удивился бы лодочник,
Ночью
Переправлявший тебя среди бури и грома,
Или усталые жены рабочих,
Что в сумерках летних тихо сидят возле дома
И говорят
Всем, кто идет навстречу,
Знакомым и незнакомым,
Голосом теплым и ровным:
— Добрый вечер!..
Так удивится, наверно, и Марья Петровна.

Но если песнь я о ней сложу,
Это — другое дело.
Ведь песнь принимают и солнце,
И ветер,
И жизнь,
И любой человек,
Если правду она воспела.
Да, лучше песню о ней сложу —
Простую,
Словно пожатье рук,
Словно знакомый дом,
Куда по пути ты можешь всегда зайти,
В дверь не стучась,
Ничего не боясь вокруг.
Простую,
Как хлеб и вино на деревянном столе,
За которым с тобою давно, мой друг,
Мы встретиться снова
Могли бы.
Простую,
Как слово
«Спасибо».

Перевел с греческого
С. СЕВЕРЦЕВ.

Супруги Торндайк и их фильмы

Генрих БОРОВИК

Телеграмма от «сестры»

Вечером 8 апреля 1953 года Андре Торндайк получил телеграмму: «Буду завтра Берлине тчк Жду восемь утра тети Аннель Ильза». Ильза — это сестра Андре.

Рано утром следующего дня Андре сел в электричку (он жил в Потсдаме), доехал до Берлина, взял на вокзале такси и через несколько минут был уже у дома в западной зоне, где жила его тетка Аннель.

На звонок долго никто не отзывался. Наконец послышался старческий голос:

— Кто там?

— Это я, Андре!

— Боже мой! — радостно и удивленно запричитала тетя.

Андре вошел.

— А Ильзы еще нет?

— Ильза? Она и не собиралась ко мне!

Андре не успел удивиться. Раздался звонок. На пороге появились четверо молодых людей. Без лишних слов предъявили два ордера: один на арест Андре Торндайка, другой на обыск помещения, в котором он находится в момент ареста.

Четверо слегка порылись в тетиных вещах, затем втолкнули Андре в машину и увезли.

Но, проходя мимо плачущей Аннель, Торндайк все-таки успел шепнуть:

— Позвони в киностудию.

Трудно сказать, сколько времени прошло, пока его наконец вызвали к какому-то западноберлинскому полицейскому чину. Кроме полицейского, в комнате оказались еще два дюжих человека в штатском. Торндайк слишком много видел в своей жизни, чтобы по этим откормленным рожам, по этим ручищам, чуть сутулым спинам и бычьим шеям не признать бывших гестаповцев. «Ага, вот откуда дует ветер! — подумал Андре. — Значит, действительно наши фильмы кое-кому насолили, если мной интересуются эти молодчики!..»

— Заполните анкету! — приказал чиновник.

— Ответьте мне, на каком основании я арестован и в чем обвиняюсь, — потребовал Торндайк.

— Это не мое дело! — раздраженно произнес полицейский. — Есть начальство повыше. Заполняйте анкету.

— Я заявляю протест. Требую немедленно сообщить обо всем в студию ДЕФА! Никаких анкет заполнять не буду, на вопросы отвечать отказываюсь!

— В таком случае, — угрожающе сказал один из бывших гестаповцев, — вам придется отвечать на наши вопросы не здесь, в Берлине, а в Федеративной республике.

На другой день Торндайка отправили самолетом в Западную Германию.

И вот Андре в одиночной камере следственной тюрьмы города Карлсруэ. Через маленькое окошечко под потолком едва пробивается свет. Окошко никогда не открывается, вентиляции в камере никакой. Андре вдыхает воздух, которым дышали все его предшественники. Сколько их было? Кто они? Был ли жизненный путь хоть одного из них похож на его, Торндайка, сложную и противоречивую дорогу, приведшую сына крупного германского коммерсанта в одиночную камеру боннской следственной тюрьмы в Карлсруэ?

Аннели и Андре Торндайк.

Секундант

...В их семье все решалось просто: без лишних слов, без длинных объяснений. Самые важные события проходили как бы между прочим. Это было в характере отца: он заботился о своем здоровье.

Андре хотел быть инженером. Но отец однажды заметил, приветливо улыбаясь сыну:

— Кстати, о будущем. Ты станешь дельцом. Коммерсантом. Если решишь посвятить себя другой профессии, не получишь от меня ни марки на обучение. — И добавил, закуривая сигарету: — А зажигалку твою надо выбросить: от нее пахнет бензином...

Отец предпочитал науке практику: он был личным референтом по рекламе у Гугенберга, генерального директора заводов Круппа. Скупив множество рекламных фирм, он стал главой огромного пропагандистского концерна, поставленного на службу германским монополиям.

И еще были споры. Спокойные, сдержанные. Общих точек зрения становилось все меньше и меньше. Однажды Торндайк-младший надел шляпу и навсегда ушел из отцовского дома. В их семье все делалось просто: без лишних слов, без длинных объяснений.

Была ли замешана политика в этом разрыве? Нет, конечно. Двадцатилетний, он и не думал тогда о политике. Но все же это был первый протест в его жизни. Против чего? Против расчетливого благополучия, отцовского произвола.

Но надеть шляпу и уйти из отцовского дома — это одно, а прожить так, чтобы не ходить со шляпой в руках по дворам, — это другое. Андре грузил уголь, разрисовывал стеклянные витрины магазинов, придумывал рекламные трюки для мелких торговцев. Наконец он устроился техническим работником на небольшом рекламном предприятии. Полтораста марок в месяц. Это значило: хлеб, сахар и кофе. Все. Шел 1930 год.

Ну, а потом вдруг повезло. Прочел в газете объявление: «Крупное, солидное предприятие ищет специалиста по рекламе». Название предприятия не указывалось — значит, действительно солидное. Так Андре стал работать в УФА — крупнейшей кинофирме Германии, входившей в состав огромного пропагандистского концерна, возглавлявшегося его отцом.

Когда через несколько лет старший Торндайк узнал, что сын его работает на «подведомственном» предприятии, Андре уже был генеральным представителем УФА по промышленной рекламе. Он ездил к крупнейшим фабрикантам, заводчикам, вел переговоры и заключал договоры на создание рекламных фильмов, прославлявших продукцию крупнейших монополий. Эти монополии дрались друг с другом, сжирали без остатка мелкие предприятия. Фильмы УФА были одним из орудий драки. Сам Андре был если не участником, то секундантом в этой беспощадной борьбе. Ему были известны многие способы экономического убийства, к которому прибегали конкуренты.

К Андре рекой лились деньги. Ему завидовали. А он все больше и больше проникался ненавистью к людям, умевшим безукоризненно носить смокинг и доводить конкурента до самоубийства. В самый разгар своих успехов он бросил пост генерального представителя по рекламе и занялся работой над собственными маленькими фильмами. Это тоже были рекламные фильмы. Они приносили ему несравненно меньше денег. Но здесь была все-таки творческая работа, хотя бы внешне не связанная с тем миром, с которым он порвал в молодости.

Маленький курс политэкономии

Сейчас, сидя в тюремной камере, он мысленным взором окидывает эти четверть века. Жизнь всегда с неизменным постоянством и последовательностью толкала его в самую гущу политики, хотя сам он никогда не стремился ею заниматься. Что ж, в конце концов это дало свои результаты. Он только благодарен жизни за ее «воспитание»...

...Началась война. Ее он встретил в гестаповской тюрьме на Александерплац в Берлине за уклонение от мобилизации. Там он познакомился с «политическими».

А потом — штрафные войска. Он был санитаром во фронтовом госпитале. Врачей не хватало. Во дворе скапливались тяжелораненые, ждавшие операции. Они лежали на носилках и просто так, на земле. Андре ходил между ними и делал уколы морфия. Шатающийся от бессонницы врач отбирал на глазок тех, кого мог спасти хирургический нож. Остальных оставляли умирать тут же, во дворе. Еще в обязанности Андре входило относить каждый день к свалке специальные мешки, наполненные ампутированными ногами, руками...

Он не смог бы в то время точно сформулировать свои убеждения. Но именно тогда он возненавидел войну, фашизм.

Там же, в санитарном батальоне, Андре впервые узнал, что такое прибавочная стоимость. Его унтер, коммунист Франц Ян, нарисовал на коробке от сигарет линию карандашом:

— Это то, что вырабатывает рабочий. Эту часть выработанного

он получает. А эту не получает. Понятно?

И Андре вспомнил тех, с кем имел дело, работая генеральным представителем УФА по рекламе.

В 1944 году Андре попал в окружение и в плен. Годы, проведенные в красногорском лагере под Москвой, окончательно оформили его взгляды на жизнь. Никогда раньше не читал он столько книг, как в лагере для военнопленных.

Кончилась война. Андре вернулся в Берлин. Ему предложили работать в ДЕФА, на студии документальных фильмов.

Аннели и друзья

Что сделал он с тех пор? Создал несколько фильмов о том, что такое возрождение германского народа после 1945 года, о том, что такое история рабочего движения. Он вкладывал всего себя в каждое из этих произведений, всего, до последнего нерва. Поэтому киноленты получались такими страстными, так впечатляли зрителя. Он получил признание народа, Национальную премию ГДР, несколько премий на фестивалях, наконец, высшую оценку его творчества — похищение и тюрьму в Западной Германии.

И вот он сидит в этой мрачной камере... Его несколько раз уже вызывали к «следователю». На все вопросы Андре отвечает требованием: объявить ему причину заключения, немедленно освободить, поставить его друзей в ГДР в известность о происшедшем.

Друзей... У него их много! И здесь, в Западной Германии, тоже. Он уверен, и во всем мире. Но там, на родине, самые верные, самые близкие. Там жена...

Судьба так распорядилась, что свадьба состоялась всего за неделю до его похищения, 2 апреля. Аннели... Где она? Может быть, тревожась о его судьбе, жена пошла к тетке и ее тоже схватили? Может быть, и она страдает в одной из камер этой же тюрьмы? Андре подходит к двери и в бессильном гневе стучит ногами и кулаками. Открывается глазок. Он видит часть лица надсмотрщика. Глазок снова закрывается.

Он познакомился с Аннели совсем недавно, но она сразу вошла в его жизнь, заполнив ее. Аннели была учительницей. Она первой организовала сельский школьный интернат у себя в районе. Андре ездил туда делать фильм.

Она совсем другой человек, из другой среды — дочь рабочего,— с другим характером, темпераментом, другого поколения. Но все остальное у них общее. Что остальное? Не мало ли этого остального? Нет, не мало: взгляды на мир, на искусство, на жизнь.

Она оказалась талантливым помощником. Нет, не помощником: коллегой, соратником. Они уже сделали совместный фильм — о народном образовании. Он имел успех. В этом много ее заслуг. У них план: выпустить серию фильмов «Документы разоблачают» — исторически точных, публицистически страстных. Обрушить весь свой талант, все свои знания на тех, кто виноват в прошлой войне, на тех, кто затевает новую.

Неужели эти планы рухнут? Неужели его ждут годы тюрьмы?.. Знают ли о нем друзья? Если бы тетка успела позвонить в ДЕФА!

Андре Торндайк объявил голодовку. Это подействовало на администрацию тюрьмы. Он получил... огромную пачку писем. От жены, от друзей, от знакомых и совсем незнакомых людей из Германии, из Советского Союза, из многих стран мира. Оказывается, там, на свободе, люди знали о его заточении. Оказывается, во многих странах стихийно началась кампания за его, Андре Торндайка, освобождение!

Испугавшись мощной политической демонстрации, западногерманские власти освободили мужественного борца за мир, полгода продержав его в тюрьме.

Вернувшись в Берлин, не дав себе ни минуты отдыха, Андре вместе с женой приступил к выполнению своего плана.

Комитет был распущен

К тому времени на Западе появилось несколько документальных кинокартин о второй мировой войне. Все эти фальсифицировавшие историю фильмы преследовали две задачи: доказать, что война против СССР была «справедливым делом немецкого народа»; доказать, что виноват в поражении и в зверских методах войны Гитлер, а немецкие генералы, промышленники и финансисты, окружавшие его,— прекрасные, высокоталантливые, очень человечные люди.

Торндайки решили показать миру истинные кинодокументы о второй мировой войне, разоблачить тех, кто начал эту войну, кто нажился на ней. Вот когда Андре пригодилось его «происхождение», его работа генеральным представителем УФА по рекламе! Многих из тех людей, кого обличали Торндайки в своем творчестве, он знал лично, знал их махинации. Эти люди всполошились. На ноги была поднята шпионская организация Гелена. Его агенты попытались похитить из киноархива Германской Демократической Республики, над которым работали Торндайки, наиболее «опасные» кинодокументы. Но попытка сорвалась...

Два года напряженной работы закончились триумфальным успехом. Фильм «Это не должно повториться» демонстрировался в сорока двух странах мира.

И только в Западную Германию этот фильм попал путем незаконным. Одна из копий картины «Это не должно повториться» была... украдена западногерманской разведкой. В Федеративной республике был создан специальный комитет из ученых мужей, который должен был обнаружить в фильме «извращение исторической действительности». Комитет напряженно работал десять месяцев и... был распущен. В обличительном антивоенном фильме супругов Торндайк не оказалось ни одного кадра, к которому могли придраться даже самые тенденциозные люди.

Поединок

На днях на экраны Советского Союза вышла новая работа Аннели и Андре Торндайк, «Операция «Тевтонский меч» — гневное, яркое и страстное разоблачение одного из поджигателей новой войны, бывшего гитлеровского генерала, нынешнего командующего сухопутными силами НАТО в Центральной Европе Ганса Шпейделя.

О деятельности Шпейделя в период гитлеризма известно не очень много. Еще меньше существовало известных документов об этом человеке. И все же Торндайки взялись за работу над фильмом. В этом они видели свой долг антифашистов, борцов за мир.

Трудно сказать, в качестве кого выступают авторы кинокартины — в качестве ученых, исследователей, криминалистов, судей, экспертов или кинематографистов. Видимо, все эти профессии соединили в себе Торндайки, работая над фильмом. В результате напряженного труда и долгих исследований человечество увидело документы, рисующие образ грязного убийцы, предателя, палача, поставленного ныне во главе сухопутных войск НАТО в Европе.

Расскажем о тех документах, которые отсутствуют в кинокартине. История их «отсутствия» весьма поучительна.

В свое время буржуазная пресса рьяно доказывала, что поскольку Ганс Шпейдель имел при Гитлере звание доктора философии, то хоть он и был генералом, но «гитлеровским военным» его считать нельзя: он просто «ученый», точнее, «философ». Торндайки заинтересовались диссертацией Шпейделя. Выяснилось, что «философская» работа гитлеровского вояки носила недвусмысленное название: «1813—1924 годы. Военные изыскания». Аннели и Андре решили во что бы то ни стало познакомиться с содержанием этой диссертации и наиболее интересные выдержки привести в фильме. Выяснилось, что единственный известный экземпляр диссертации Шпейделя хранится в университете города Тюбингена в Западной Германии, где в свое время состоялась защита.

Аннели Торндайк пошла к одному из руководителей Берлинского университета имени Гумбольдта с просьбой помочь достать диссертацию Шпейделя. Тот ответил, что ничего проще быть не может: существует обмен диссертациями между университетами; стоит написать в Тюбинген официальное письмо — и через восемь дней труд Шпейделя будет в Берлине. Однако через восемь дней диссертации в Берлине не было, а из Тюбингена был получен ответ с категорическим отказом.

Пришлось действовать другим способом. В Тюбинген поехал один из знакомых Торндайков, живущих в Западной Германии. Он навестил там своего друга — старого профессора Тюбингенского университета—и просил его достать на полчаса диссертацию Шпейделя, чтобы сфотографировать ее. Старый профессор ответил, что в Федеративной Республике Германии существует, как он выразился, «академическая свобода»: любую диссертацию можно взять в университетской библиотеке не на полчаса, а на день, два и даже больше.

Профессор пошел в библиотеку, пообещав вернуться через десять минут. Но появился он лишь через два часа, возмущенный только что услышанным. Оказывается, университетская библиотека получила совсем недавно распоряжение от органов безопасности ФРГ: «Выдавать диссертацию доктора Шпейделя только для чтения в читальном зале, только на срок не более тридцати минут, только тем людям, которые предъявят письменное на то разрешение, выданное лично автором диссертации». Эта инструкция была получена библиотекой приблизительно тогда, когда супруги Торндайк начали работать над фильмом о гитлеровском генерале. Западная разведка тщательно следила за деятельностью двух честных немецких патриотов, Аннели и Андре Торндайк, и не хотела попасть впросак, как это уже случалось раньше.

И еще один интересный документ отсутствует в фильме «Операция «Тевтонский меч». Речь идет о малоизвестном показании сына генерала Роммеля Манфреда, в котором он рассказывал, как Ганс Шпейдель выдал гестапо его отца и нескольких других немецких генералов, подготовлявших во время войны известное покушение на Гитлера. Эти показания Манфред Роммель дал в 1945 году мэру города Ритлинга г-ну Фишеру в присутствии свидетелей. Содержание этого разоблачения было опубликовано в западногерманской газете «Южный курьер» от первого сентября 1945 года. После долгих и кропотливых поисков Торндайки нашли экземпляр газеты. Но они хотели получить подлинник показаний, который должен был храниться у семидесятипятилетнего мэра города Ритлинга.

По просьбе Торндайков один из их друзей в Западной Германии посетил Фишера. Тот, внимательно выслушав просьбу Торндайков, заявил, что действительно Манфред Роммель давал такие показания. Что касается самого документа, то... не так давно ему позвонили из органов разведки, возглавляемой Геленом, и сообщили, что к нему прибудут представители Гелена, которым он, Фишер, вручит подлинник показаний Манфреда Роммеля относительно Шпейделя, подписанный самим сыном Роммеля. Наутро к дому мэра города подъехала машина. Из нее вышли восемь человек. Они предъявили письменное распоряжение Гелена и увезли драгоценный документ.

Так проходило единоборство между Торндайками и огромным аппаратом западногерманской разведки, поставившей перед собой задачу не допустить создания правдивого фильма о Гансе Шпейделе. В конце концов это единоборство закончилось победой Торндайков. Их честный, страстный фильм шествует почти по всем странам мира, предупреждая людей всего земного шара об опасности новой войны.

Ну, а что сейчас делают Торндайки, спросит читатель, каковы новые планы этих неутомимых и бесстрашных борцов за мир? Мы можем ответить. Аннели и Андре Торндайк сейчас в Москве. Они решили в ближайшие полтора — два года создать фильм о Советском Союзе.

— Мы физически уже не можем возиться с той грязью и подлостью, запечатленными на кинопленку, с которыми мы имели дело последние пять лет,— говорит Андре Торндайк.— Нам необходимо заняться чем-то хорошим, величественным, светлым. Вот почему мы решили сделать перерыв в нашей серии обличительных фильмов. Но мы вернемся к ним, обязательно вернемся!

Они талантливы, неотразимы...

И американская публика и американская пресса приняли советский хореографический ансамбль «Березка» восторженно.

«Они красивы, они талантливы, они неотразимы»,— так резюмировал содержание газетных откликов Уолтер Терри — самый, пожалуй, придирчивый театральный критик Нью-Йорка.

Вальс «Березка» очаровал всех без исключения. Газеты утверждали, что этот «танец сообщает всему залу атмосферу чарующей поэзии весны и молодости»...

Рецензенты восхищались талантом художественного руководителя ансамбля — Н. Надеждиной, которая сумела поднять народную пляску до уровня большого театрального искусства. Много похвал выпало и на долю баянистов, аккомпанирующих ансамблю. «Баян в руках русского гармониста,— говорилось в печати,— как гитара в руках испанца, становится более выразительным и богатым тонами и как бы обретает живую душу».

Баянисты Е. Кузнецов, П. Галкин, Г. Львов, В. Сафонов так понравились публике, что после первого же концерта пришлось включать в программу их отдельный музыкальный номер.

Только за первый месяц гастролей около 70 тысяч американцев видели «Березку» на сцене Бродвейского театра. Многие миллионы зрителей по всей Америке смотрели русский танцевальный ансамбль по телевидению.

Можно смело сказать, что в «Березке» американцам все понравилось. Понравились и русские танцы и исполняющие их советские девушки. С удивительным единодушием печать отмечала «бесконечную грацию» наших танцовщиц, указывая, что они счастливо сочетают простоту с изяществом. Журнал «Ньюсуик» писал, что юные «березки» из ансамбля рассеяли существовавший до сих пор в Америке нелестный миф об облике русской женщины.

Дело в том, что на снимках, публикуемых американскими газетами, советская женщина до сих пор представала либо в полушубке и валенках, с лопатой для расчистки снега, либо в комбинезоне на стройке, но почти никогда в какомнибудь красивом домашнем или праздничном наряде. У американцев, приезжающих в нашу страну с фотоаппаратами, просто какаято страсть к таким картинкам!

На вечере встречи артистов «Березки» с американскими студентами. Хозяева поют русские песни. Крайний слева с банджо участник VI Всемирного фестиваля молодежи в Москве Гай Караван.

Зато представление об американской женщине здешняя печать пытается создать за счет бесчисленных фотографий кинозвезд да красивых девушек, рекламирующих абсолютно все — от заграничных путешествий и автомашин до сигарет, пива и нижнего белья.

Представьте же себе, как был поражен зритель, подготовленный такой «контрастной фототехникой», когда увидел на сцене стройных и гибких советских девушек, особенно в вальсе «Березка», который они исполняют в белых бальных платьях.

Артистки советского ансамбля пленили многих американцев не только своей внешностью. Накануне отъезда «Березки» из Нью-Йорка я случайно услышал за сценой театра, где выступал ансамбль, беседу двух служащих.

— Сколько видела актрис на своем веку, а ни к кому так не привязывалась, как к этим девочкам. Ласковые, приветливые, словно родные дочери,— говорила гардеробщица сцены «тетя» Нэнси.

— Что правда, то правда. С такой симпатичной труппой нам еще не доводилось работать,— согласился рабочий сцены.

У всех, кто встречался с советскими танцовщицами, осталось от этих встреч хорошее, радостное впечатление. А их старались пригласить на прием артисты, музыканты, художники. Они побывали в гостях у нью-йоркских танцевальных коллективов, в семьях простых американцев...

Расскажем только об одной такой встрече. Хозяевами были студенты — члены американского комитета по подготовке к VII фестивалю молодежи в Вене. Гостями — группа девушек из «Березки» и молодые артисты, исполнители музыкальной комедии «Происшествие в западном предместье». Эта комедия уже второй год с большим успехом идет на Бродвее.

Встреча происходила в таверне «Вилэдж Гейт», где по пятницам собираются студенты, не увлекающиеся «рок-н-роллом», а интересующиеся искусством. Иногда там выступают профессиональные артисты. Еще чаще собравшиеся поют все вместе ковбойские баллады, негритянские гимны и песни разных народов.

На этот раз таверна — огромный подвал, уставленный некрашеными деревянными столиками,— была до отказа заполнена молодежью. Когда гости и хозяева собрались, на сцену поднялся высокий юноша в рубашке с расстегнутым воротом, с банджо в руках. Ему стали аплодировать. Это был Гай Караван — исполнитель народных песен. Многие москвичи помнят его выступления на VI фестивале молодежи. Тихо, с большим чувством произнес он приветственную речь.

— Устроив этот вечер в честь «Березки»,— сказал Гай,— мы хотели бы, пусть в малой доле, отплатить за радушие и гостеприимство, оказанное москвичами американцам — участникам фестиваля молодежи. Там, в Москве, мы почувствовали глубокий смысл слов: «Все люди — братья»...

Потом звонким голосом Гай запел старую негритянскую песню «Я не буду готовиться к войне». Антивоенное содержание этой песни сделало ее злободневной и популярной среди американского студенчества. Весь зал подхватил мелодию, отбивая такт ладонями. Затем русские гости и американцы пели американские песни, известные у нас в стране по пластинкам Поля Робсона. А девушки «Березки» исполнили несколько лирических песен из репертуара ансамбля.

После прекрасного концерта, устроенного силами профессиональных артистов эстрады, хозяева, снова окружив столики, за которыми сидели гости, запели по-русски: «Выходила на берег Катюша» и другие наши песни.

Расставались настоящими друзьями! Каждый говорил на своем языке теплые слова, и они казались всем понятными. Было ясно: и гости и хозяева не забудут этой встречи...

Л. ГРИГОРЬЕВ

Нью-Йорк.

Вальс «Березка» в исполнении ансамбля.

На огневом рубеже

Михаил ИТКИС,
чемпион мира по стрельбе

У всех народов на земле меткость считается одним из тех качеств, за которые человека ценят и уважают.

Не удивительно, что снайперы — эти короли стрелков — пользуются всеобщим уважением.

Но есть люди, у которых глаз зорче и рука тверже, чем даже у лучших снайперов. Это стрелки-спортсмены, советские мастера меткого огня.

Много и упорно должен тренировать себя человек, желающий научиться меткой стрельбе. Но достигнутое в конце концов личное искусство не даст рекордных результатов, если в руках у стрелка окажется плохое оружие. Если винтовка или пистолет сработан небрежно и сталь не та, не жди от оружия нужной кучности боя.

К счастью для советских спортсменов, наши отечественные оружейники всегда славились филигранностью мастерства. Тульские и ижевские потомки лесковского Левши умеют выполнить любой, самый сложный заказ, они дают в руки стрелков первоклассное оружие.

Советская школа спортивной стрельбы доказала огнем своих лучших представителей, что она самая передовая. Но не сразу и не легко это произошло.

Первые в России соревнования по стрельбе из винтовок состоялись весной 1898 года. В Хабаровске 130 человек состязались в стрельбе из винтовки системы Бердана на дистанцию 200 аршин.

Появлялись время от времени талантливые стрелки. Непревзойденным револьверистом был известный конькобежец-фигурист Н. А. Панин-Коломенкин, десять раз завоевывавший звание чемпиона России. Блестящими револьверистами показали себя М. В. Семичев и А. М. Каш.

Но одна ласточка не делает весны. И те, кто стоял во главе стрелкового спорта, до боли ощутимо поняли это в 1912 году на V Олимпийских играх. Команда стрелков России заняла предпоследнее место.

Через сорок лет, на XV Олимпийских играх в Хельсинки, наша команда заставила спортивный мир по-новому взглянуть на спортсменов с Востока и изумиться. Стрелки СССР заняли первое командное место, оставив далеко позади стрелков всех других 40 стран, участвовавших в соревнованиях. Молодой стрелок Анатолий Богданов стал чемпионом Олимпийских игр и установил олимпийский рекорд в упражнении «боевой стандарт 3×40», как бы сделав этим заявку на тот совершенно феноменальный штурм мировых рекордов, который готовили советские мастера меткого огня на будущее.

В чем секрет этого неожиданного триумфа, и был ли он так уж неожидан?

Дело в том, что за спиною членов советской команды, которые вели огонь по мишеням в Хельсинки, стояли многотысячные, миллионные ряды стрелков-спортсменов. К тому времени уже был накоплен драгоценный опыт таких мастеров, как Б. Андреев, И. Андреев, Н. Богданов, Н. Боровиков, Л. Вавилов, О. Жгутов, Н. Галкин, Д. Иванов, И. Иохельсон, Р. Минин, В. Однолетков и многих-многих им подобных, всех не счесть.

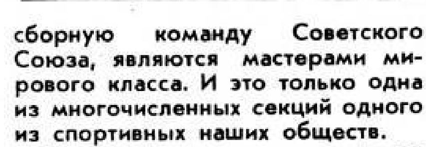
Прошло всего два года после Хельсинки, и в 1954 году советские стрелки поехали в далекую Венесуэлу, где проходило 36-е первенство мира по стрельбе. Это был дебют наших спортсменов в мировых стрелковых чемпионатах.

В тот день, когда на полигоне «Белый кролик» в столице Венесуэлы городе Каракасе отгремели последние выстрелы, я пожалел, что, отправляясь из дому в эту далекую поездку, не захватил с собой одну дорогую для меня фотокарточку. Правда, она велика по формату, в кармане помнется, но можно было положить ее в планшет...

На этой карточке изображены мои товарищи — члены московской стрелковой секции спортивного общества «Трудовые резервы», в которой мне довелось сделать свои первые спортивные шаги. В сорок девятом году ее прислал мне на память наш тренер Николай Иванович Хомутский. Я к тому времени уже был призван на службу в армию и учился в артиллерийском училище.

А пожалел я, что не взял карточку, вот почему. После того как советские спортсмены заняли на чемпионате 9 первых мест из 14 в командных состязаниях, забрали 6 переходящих призов из 7 разыгрывавшихся, повесили себе на грудь 41 золотую медаль из 63, а в личном первенстве — 11 золотых медалей из 18, в спортивном мире возникло сильное возбуждение. Да, конечно, после Олимпиады в Хельсинки от советских стрелков можно было ожидать высококлассных результатов, но не таких же! Все пребывали в состоянии ошеломленности, и главным недоуменным вопросом был один: откуда эти феноменальные достижения, чем их объяснить?

Будь у меня с собой эта карточка, я бы показал ее и объяснил, что из 22 человек, изображенных здесь, пятеро входят в сборную команду Советского Союза, являются мастерами мирового класса. И это только одна из многочисленных секций одного из спортивных наших обществ.

Стреляет чемпион мира Махмуд Умаров.

Да, эта фотокарточка помогла бы зарубежным спортивным репортерам разгадать все загадки, которые они загадывали сами себе до, во время и после соревнований, удивляясь победному шествию советских стрелков.

У нас, участников советской команды, стрелявших на полигоне «Белый кролик», тоже возникали загадки, и мы старались по мере сил находить к ним ключи.

В Каракасе мне пришлось участвовать в соревнованиях по стрельбе из армейской винтовки. Правилами установлено, что все участники в этом виде обязаны стрелять из оружия, которым вооружена армия страны — устроительницы соревнований, и обязательно патронами, которые будут выданы, но не своими. Так как дело происходило в Венесуэле, мы должны были взять в руки венесуэльский карабин и пользоваться венесуэльскими патронами. И все мы были немножко озабочены: каким-то окажется это оружие? Ведь мы привыкли к нашей армейской винтовке Мосина образца 1891—1930 годов, с которой не может соперничать по бою ни одна другая армейская винтовка.

Но оказалось, что венесуэльский карабин — машина нормальная. Стрелять из него можно. А вот патроны... Кто знаком со спортивной стрельбой, знает, как много зависит от этого маленького снаряда.

Малейшая, даже порядка одной тысячной грамма, разница в весе пороха или пули отражается на меткости выстрела. Патроны, снаряженные неодинаково, не позволят вести стрельбу ровно и показать хороший результат.

Вот что произошло на стрельбище.

Начинаю стрелять из положения лежа и с первых же выстрелов ничего не понимаю: восьмерка, семерка, опять восьмерка. А должны-то быть десятки! Нет, это не самоуверенность, а трезвая оценка собственных действий. Ведь хорошо тренированный стрелок может сразу точно сказать, куда попала только что выпущенная пуля.

Кто бывал на стрельбищах во время тренировок, не раз наблюдал такую картину. Стрелок нажимает на спусковой крючок и обращается к корректировщику, который, прильнув глазом к окуляру подзорной трубы, смотрит на мишень.

«Девятка на три часа».

«На месте!» — откликается корректировщик.

Снова выстрел, снова лаконичный разговор:

«Десятка».

«На месте!»

«На три часа» — это значит пуля отклонилась вправо, в ту сторону, где на часовом циферблате стоит цифра «3». «Десятка» — пуля попала в центр мишени. А ответ «на месте» означает, что стрелок безошибочно сам определяет, как ложатся пули, безукоризненно контролирует себя во время выстрела. Это достигается упорным трудом, но, раз достигнутое, не подводит стрелка.

Так вот. Я все время фиксировал в момент выстрела десятки, а пули ложились вразброс и куда угодно, только не «на место». Результат получился позорно низкий. Ясно было: патроны ниже всякой критики.

Когда начал стрелять с колена, одна серия из десяти выстрелов вдруг дала отличный результат — выше, чем при стрельбе лежа. Я даже растерялся и уже подумал было, что виноват сам, а никакие не патроны. Но тут судья — представитель Западной Германии — быстро подошел ко мне, наклонился и стал перебирать рассыпанные вокруг гильзы. Я понял: увидев, что результаты последней серии резко улучшились, он заподозрил меня в нарушении правил — может быть, я начал стрелять своими, советскими патронами! У меня явилась мысль: значит, судья принял как должное мою плохую стрельбу и не видел в ней ничего противоестественного, а в хорошей стрельбе искал какой-то криминал. А между тем у американской команды, которая в стрельбе из армейской

винтовки никогда даже близко не подходила к советской команде, сейчас результаты были гораздо выше наших. И никто почему-то не удивлялся.

Судья из Западной Германии не обнаружил среди стреляных гильз того, что искал,— гильз советского производства. Я стрелял венесуэльскими патронами. Просто в этой отвратительной партии патронов, которая была выдана советской команде, случайно оказалось несколько приличных экземпляров.

Я далек от мысли подозревать устроителей соревнований в умышленных действиях, но факт остается фактом. И загадку эту мы так и не разгадали.

Собственно, все это не очень омрачило нас: советская команда забрала себе достаточно призов и золотых медалей, надо и другим что-нибудь оставить. Просто я рассказал эту историю как притчу о патронах...

После Каракаса был Бухарест, где в 1955 году проводилось первенство Европы. По существу, его можно назвать мировым чемпионатом, ибо сильнейшие стрелки мира в большинстве упражнений — европейцы. Что сказать об этих соревнованиях? Советская команда увезла 97 золотых медалей из 116 присуждаемых. Итог достаточно убедительный.

Здесь может возникнуть одно сомнение: да, побеждать — это хорошо и почетно, но частенько бывает, что золотой блеск туманит глаза, рождает мираж. Стрелки знают: когда начинаешь вести частый огонь, пускаешь пулю за пулей почти без интервалов, подряд, винтовка разогревается, над стволом появляется дрожащее марево миража. Оно как бы размывает «яблочко» мишени, мешает прицеливаться точно. Если над стволом не натянут специальный тент, есть другой способ освободиться от миража: надо остудить винтовку.

Советские стрелки три раза подряд — в 1952, 1954 и 1955 годах — на крупнейших международных состязаниях доказали свое преимущество перед другими командами, завоевали подавляющее большинство золотых медалей. Не грозило ли им это миражем зазнайства?

Нет, спортсмены Советского Союза умеют вовремя «остудить» себя. Они знают, что как только замедлишь ход, сзади тут же начнут наступать на пятки. А вслед за Бухарестом предстоял Мельбурн, XVI Олимпийские игры.

О том, что советские стрелки держали порох сухим, говорят результаты Мельбурна. Команда СССР набрала 50 очков, команда Финляндии, занявшая второе место,— 19 очков. Такой отрыв красноречивее любых слов.

Когда встал вопрос о том, какой стране организовывать следующее, 37-е первенство мира, ни у кого не было колебаний: конечно, Советскому Союзу! Это решение явилось как бы всеобщим официальным признанием ведущей роли нашей страны во всемирном стрелковом спорте.

17 августа 1958 года на стрельбище под Москвой раздались выстрелы 37-го чемпионата. Первыми в борьбу вступили пистолетчики. Дистанция—50 метров. Шестьдесят выстрелов. Оружие — малокалиберный пистолет произвольного образца. И выступление наших спортсменов в этом упражнении явилось эпиграфом ко всему последующему. Все ждали единоборства между американскими и советскими пистолетчиками, ждали, как захватывающей дуэли. И не ошиблись. Американцев редко кому удавалось победить в прошлом. На 36-м первенстве чемпионом мира стал Хьюберт Беннер. Однако имелось одно «но», которое позволяло надеяться, что на сей раз им придется заметно потесниться: в 1955 году наш пистолетчик А. Ясинский установил мировой рекорд, выбив 566 очков — на 13 очков больше той суммы, которой было достаточно в Каракасе Беннеру, чтобы сделаться чемпионом. И другие члены нашей команды — М. Умаров, Л. Вайнштейн, А. Гущин и А. Запольский — неоднократно показывали блестящие результаты.

Напряженным был поединок двух ведущих команд мира, и окончился он победой стрелков Советского Союза. Американцы остались на втором месте. Чемпионом мира в личном первенстве стал замечательный стрелок М. Умаров, вторым был А. Гущин, а представителю американской команды Н. Линкольну эти двое отвели лишь третье место.

Запев отличный! Забегая вперед, скажем, что и конец был радостным: из семнадцати видов, в которых разыгрывалось командное первенство, советские стрелки в пятнадцати завоевали звание сильнейших. Впервые в программу мирового первенства были включены соревнования женщин и юношей, и тут представители нашей страны тоже сумели победить. Правда, советские юноши, победив командой, личное первенство в стрельбе из малокалиберной винтовки и в так называемом английском матче уступили другим. Зато наши женщины были вне конкуренции. Т. Ломова и Е. Донская сделались чемпионками мира.

Из мужчин звания чемпиона в личном первенстве удостоились, кроме М. Умарова, еще семь человек: В. Шамбуркин, И. Никитин, И. Новожилов, А. Тилик, А. Кропотин, А. Каплун, М. Иткис.

Что хорошо, то хорошо. Этого не отнимешь. Но на долю советских стрелков выпало и немало огорчений. Объективных причин тут искать не приходится. В стрельбе есть только один объективный показатель — мишень с пробоинами.

Мы, как ни печально, начисто проиграли все призовые места личного первенства в стрельбе из боевой произвольной винтовки — нашем коронном упражнении.

Другое поражение наши стрелки потерпели в розыгрыше приза Венесуэлы. Он вручается команде, занявшей первое место в стрельбе из крупнокалиберного револьвера на дистанцию 25 метров.

Как известно, существует такой порядок. Всякий переходящий приз, завоеванный командой, отдается ей во владение до следующего первенства. При открытии очередного чемпионата команда-владелица обязана доставить его на место соревнований и сдать в главную судейскую коллегию. Приз становится на несколько дней ничьим в ожидании нового хозяина.

В Каракасе с Венесуэльским призом случился курьез. Он до 36-го первенства принадлежал американцам. Отправляясь в Каракас, они были, вероятно, настолько уверены в том, что опять завоюют его, что сочли излишним «таскать» приз из Соединенных Штатов с собой на соревнования и обратно. Тем более что он тяжелый: в нем много золота. Но этот приз завоевали тогда наши пистолетчики, и пришлось американцам посылать нарочного в США.

На параде открытия 37-го первенства в Москве мы вынесли все шесть призов, привезенных из Каракаса, в том числе и Венесуэльский. И у каждого была тайная мечта: вот бы унести их все обратно после соревнований. Мечта осуществилась, но не полностью: приз Венесуэлы у нас отобрали. И единственным утешительным моментом было то, что на сей раз он отправился не так уж далеко — к нашим друзьям-спортсменам в Прагу. Чехи стреляли блестяще и, установив новый мировой рекорд, обогнали и наших пистолетчиков и американских.

В чисто спортивном смысле десять дней московского первенства всем его участникам принесли и радости и огорчения — одним больше первого, другим больше второго. Так что в каждой команде барометр настроения часто менялся, показывая то «ясно», то «пасмурно». Однако, что бы ни происходило на огневом рубеже, неизменной оставалась атмосфера поистине искренней дружбы и взаимоуважения, которая царила между участниками соревнований. Их было почти 600 человек, съехавшихся из 27 стран.

Беспримерным по количеству участников был минувший чемпионат. Беспримерным был он по духу товарищества, объединявшего спортсменов. И мы уверены, что зарубежные стрелки долго будут вспоминать Москву за ее широкое гостеприимство.

Литературная запись
О. ШМЕЛЕВА.

Сорок пять дней с друзьями

В прошлом году мы, два художника из Иванова, вылетали в Албанию. Был морозный день. Падал снег. А в Тиране самолет бежал по дорожке, рядом была трава, хоть и увядшая.

Тирана пробуждается рано. В утро нашего приезда шел дождь. Спешили на работу рабочие текстильного комбината. Студенты недавно открытого университета шли на занятия с зонтиками в руках. Из ближайших сел тянулись крестьянские повозки, уходили автобусы в разные уголки страны...

Так как мы были ивановцами, а их везде считают «крупными специалистами по текстилю», уже в первые дни нас повезли к текстильщикам.

Мы с интересом знакомились с работой комбината. Албанские рабочие с гордостью показывали свое производство, знакомили нас с ассортиментом тканей (мы, как истинные ивановцы, в этом кое-что понимаем). Во время беседы откуда-то из-за станка вдруг появляется широкое улыбающееся лицо. Оказалось, что это наш земляк-ивановец. Вот уж скоро год, как он помогает друзьям в монтаже оборудования.

Албанские друзья сказали нам, что мы в «стране контрастов».

Действительно, северная природа соседствует здесь с южными пейзажами. Непохожа и своеобразна одежда жителей разных мест Албании. В глухих горных массивах пробиты дороги и построены электростанции, мимо стен некогда могучих крепостей проносятся автомашины и невозмутимо бредут ослики.

Нам все хотелось узнать, все зарисовать, все написать.

В Круе, над небольшим селением, утонувшим в поблекшей зелени олив, высятся башни старинной крепости. Воины Скандербега некогда отбивались в этих «орлиных гнездах» от полчищ турецких завоевателей. Около башен стоят грузовички. Сегодня базар, и многие приехали сюда издалека.

Нас поражает разнообразие и красота одежды, величавая осанка крестьян. Нам все интересно, все хочется запомнить: и необычную одежду людей, и забавных, по-смешному привязанных за ногу птиц, и грузовичок с кузовом, настолько плотно уставленным зонтами, что издали он кажется накрытым одним громадным зонтом.

Едем мимо трассы нового водопровода на Дуррес по низкой и болотистой долине. Тракторы вырывают из земли уродливые деревья, освобождая площадь под посевы.

Потом мы работаем в Шкодере.

В Коплику хозяин дома с гордостью показывает новый потолок и железную печь. Еще бы! Ведь его мать, сидящая рядом с нами, жила в доме, где дым от очага щемил глаза и стлался под потолком.

Много лишений выпало на долю матери в прошлом! В освободительной войне погибли два ее сына, но горе не сломило женщину, и в свои семьдесят лет она еще работает.

Мы едем на открытие ГЭС имени Карла Маркса. Вдоль размытой дождями дороги лозунги «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует албано-советская дружба!». Закончена еще одна крупная стройка.

На торжество открытия собралось много народа — море зонтов.

Стараясь нарисовать общий вид плотины, мы забрались на глиняный косогор, где увидели старого албанца, прожившего всю жизнь в этих местах.

Он сидел, прислонившись к опоре высоковольтной мачты, и смотрел на плотину.

Внизу вспыхнули прожекторы и лампы. Старик качает головой, он как будто все еще не верит, что эта падающая с таким шумом вода рождает энергию и дает свет.

Проезжаем немного грустные зимой оливковые рощи. Скрюченные корни древних деревьев напоминают потоки спекшейся лавы. Довольно холодно, а в садах Южной Химары висят апельсины. Вдали видны вершины гор в снегу...

Мы увозим с собой много впечатлений, зарисовок и этюдов. Там, дома, все это будет нужно для продолжения работы. С чувством благодарности мы вспоминаем наших албанских друзей, встречи и беседы. Добрые воспоминания об Албании так помогали нам в работе!

М. МАЛЮТИН,
Е. ГРИБОВ

ПО АЛБАНИИ

М. И. Малютин и Е. А. Грибов.

Пуск гидроцентрали имени Карла Маркса.

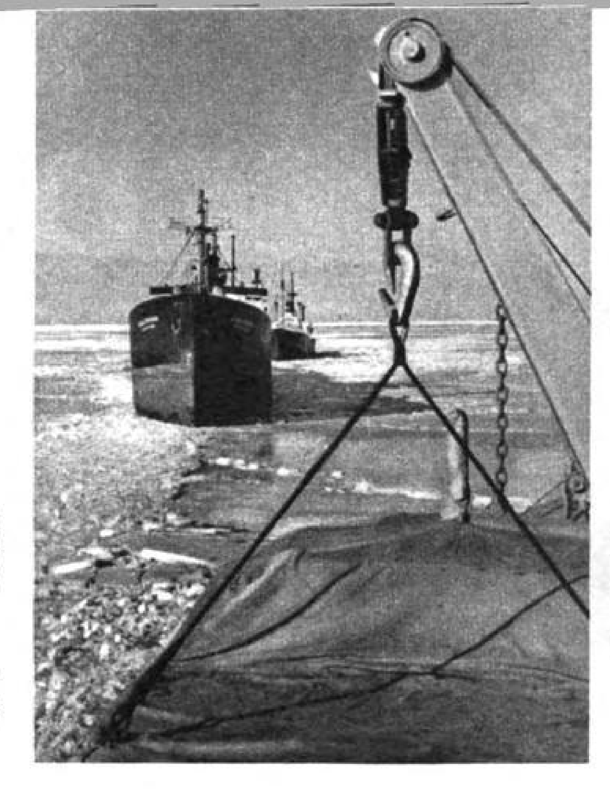
Вечер в Северной Албании.

Подруги.

Отдых в пути.

Зима в этом году на Балтике мягкая, и даже в январе продолжается навигация. Океанским и морским судам, которые приходят в эти дни в Ленинградский торговый порт, путь прокладывают ледоколы.

Фото М. Никитина.

В Тбилиси выстроен новый аэровокзал, рассчитанный на обслуживание значительно большего числа пассажиров.

Фото В. Джейранова.

Так выглядит опытный микролитражный автомобиль «Огонек», построенный на Ирбитском мотоциклетном заводе. У машины, предназначенной для сельской местности, обе оси—ведущие, по весу она вдвое легче «ГАЗ-69». Двигатель, сконструированный на базе мотоциклетного мотора «М-61», развивает скорость 75 километров в час, расходует 6 литров горючего на 100 километров пути. «Огонек» перевозит четырех пассажиров. Он может быть переоборудован в санитарный автомобиль, школьный автобус и т. д. Сейчас машина проходит испытания.

Фото Г. Кузеванова.

Первый день жизни этого мальчика, который еще не имеет имени, совпал с началом нового года и прошел в Москве. А родился он в воздухе, на высоте 11 тысяч метров.

Его родители — геологи Яковчук — летели на «ТУ-104» из Ташкента в столицу. Неожиданно у Галины Алексеевны Яковчук начались родовые схватки. Роды в кабине самолета прошли благополучно.

По прибытии самолета в Москву Г. А. Яковчук и ее новорожденного сына доставили в больницу аэропорта. Здесь мы их и сфотографировали. Как видите, оба чувствуют себя отлично.

Фото Р. Лихач.

В дни подготовки к XXI съезду театры и музыкальные коллективы очень часто выезжают на предприятия. Только у москвичей в декабре было 165 таких встреч.

Радостно приняли метростроевцы приезд народного артиста СССР М. И. Жарова. Это было на строительстве станции «Университетская». Широкий тоннель запружен народом, метростроевцы со всех сторон окружили актера.

Фото И. Тункеля.

АНГЛИЧАНЕ НЕ ХОТЯТ ЖИТЬ РЯДОМ С БОМБОЙ

«Мы так долго живем с нею, что, возможно, успокоимся и начнем думать, что совсем не опасно постоянно жить рядом с нею».

Кто она? О ком так печется лондонская «Таймс»? Пусть никто не думает, что консервативный официоз, призывая к всепрощению, имеет в виду какую-то сварливую соседку по квартире. Совсем нет.

Она — это атомная бомба. «Таймс» цинично пишет, будто англичане начинают «привыкать к мысли об атомной бомбе»...

Пропагандистская машина Великобритании изо дня в день приучает население к тому, что Британские острова постепенно превращаются в плацдарм американской агрессии. Но англичане не хотят жить рядом с атомной бомбой. Ни полицейские дубинки, ни обливание ледяной водой из пожарных шлангов — ничто не может заставить их примириться!

Официальные власти пытаются скрыть от мировой общественности факты чудовищных полицейских репрессий в Суоффеме. В № 1 «Огонька» мы опубликовали интервью с секретарем муниципалитета этого городка Джеймсом Данном. Как помнят читатели, господин Данн все отрицал: никаких полицейских репрессий в отношении демонстрантов, никаких столкновений. Все шло мирно и благородно...

Эту неправду повторила и лондонская газета «Дейли телеграф». Но пока господин Данн заметает следы, газеты и журналы продолжают публиковать новые материалы и фотодокументы, разоблачающие тех, кто пытается заставить народ Великобритании сидеть на пороховой бочке.

Раймонда Дьен, чтобы остановить поезд с вооружением и колониальными войсками, легла на железнодорожное полотно. Английские девушки и юноши, подобно француженке, смело легли на мостовую и остановили движение автомашин к зловещей ракетной базе.

Публикуемый вверху снимок разоблачает утверждение господина Данна о том, что никаких расправ не было. А как можно назвать то, что запечатлено в левом углу снимка? Это и есть английский способ использования гражданских свобод?

Плотник Сэм Форрест, лично наблюдавший расправу над демонстрантами, заявил: «Я видел, как трое военных полицейских повалили мужчину и женщину в лужу из грязи и льда. Полицейские вели себя позорно».

Но, может быть, подобные мерзости творятся только в графстве Норфолк, далеко от Лондона? Отнюдь нет. С теми, кто не хочет жить рядом с атомной бомбой, в столице обходятся так же сурово, как и в провинции.

Горит почва под ногами заокеанских оккупантов. Настойчивость и самоотверженность рядовых англичан, выступающих против создания ракетных баз и складов атомных бомб, сильно беспокоят консервативное правительство: ведь оно обещало Вашингтону соорудить 15 ракетных баз в восточной Англии и в районе Йорка.

— Как быть? Что делать?— все чаще задумываются в Англии.

— Покончить с гонкой атомных и ракетных вооружений! — начертано на плакатах и транспарантах, которые несут демонстранты.

Это подлинный голос народа, с которым не хочет считаться правительство Англии.

СВЕТЛЕЕТ НЕБО *над Кубой*

А. БОБРОВСКИЙ

Свежим ветром подуло в первый день нового года из-за Атлантики: пал один из оплотов американского империализма в Латинской Америке. Ставленник Уолл-стрита диктатор Батиста поспешно улетел с Кубы, ограбив государственную казну. За ним следом бежали армейские генералы, шефы тайной полиции и разведки, члены правительства — все те, кто в течение последних семи лет держал остров в тисках кровавого режима.

С давних времен Куба — один из мировых поставщиков тростникового сахара. Но от этого «сладкий остров» не перестал быть местом жестокой нужды и народного горя. Монополии США захватили две трети плантаций тростника, им же принадлежит 85 процентов сахарных заводов. Что же касается правительства Батисты, то оно, как отмечала газета «Нью-Йорк пост», существовало «по милости США, так как Куба полностью зависит от нас как в военном, так и в экономическом отношении...»

Вооруженное восстание против диктаторского режима Батисты началось более двух лет тому назад. Горстка молодых смельчаков создала партизанский лагерь в горах Сьерра-Маэстра на востоке Кубы. Повстанцев возглавил тридцатилетний патриот Фидель Кастро, воспитанник Гаванского университета, успевший не только получить две ученые степени, но и посидеть в тюрьме за борьбу против Батисты. К весне прошлого года отряд Кастро насчитывал уже более тысячи бойцов. Правительство бросило против повстанцев многотысячную армию, вооруженную артиллерией, танками и авиацией. Батиста похвалялся тогда, что через несколько часов мятежники будут разгромлены. Но прошло не так много времени, и пламя народной войны охватило всю страну.

Правительство США серьезно встревожилось за своего ставленника. Морем и по воздуху доставлялись на Кубу автоматическое оружие, танки, пушки, боеприпасы. Военную помощь Батисте оказывали правительства Доминиканской республики и Никарагуа, а также партнеры США по Атлантическому блоку — Англия, Франция и Италия. Только в конце декабря минувшего года Соединенными Штатами было доставлено Батисте 45 танков; в это же время 30 самолетов, пилотируемых американскими летчиками, перевозили солдат из Доминиканской республики в помощь правительственным войскам на Кубе.

Но ни жестокие репрессии, ни американское оружие не могли остановить народное восстание. Борьба была тяжела и кровопролитна, тем не менее отряды Фиделя Кастро пополнялись тысячами новых бойцов. Агентство Ассошиэйтед Пресс вынуждено было признать, что «кубинцы толпами идут навстречу повстанцам, женщины обнимают их, угощают кофе и едой».

Накануне своего бегства Батиста по указке американского посла Смита сфабриковал новое «правительство» Кубы — военную хунту, которая должна была сохранить остров для монополий США. Повстанцы отвергли всякие переговоры с хунтой и продолжали вооруженную борьбу. 2 января отряды Кастро заняли столицу острова — Гавану. В этот же день в Сантьяго повстанцы провозгласили временным президентом Кубы д-ра Мануэля Уррутиа.

Руководители повстанцев объявили, что новое правительство восстановит отмененные Батистой конституционные права, в том числе свободу печати, гарантирует права рабочих, обеспечит сбор урожая, будет защищать национальную экономику. Они призвали кубинский народ «быть настороже». И это неспроста. Правительство США поспешно отправило к берегам Кубы отряд эсминцев и подводных лодок.

Нажим Вашингтона вызвал гневную реакцию кубинского народа. «Если американская морская пехота высадится на Кубе,— заявило радио повстанцев,— с ней будут бороться так же, как с солдатами Батисты».

Заря свободы взошла над Кубой. И никакие угрозы американских империалистов не запугают победивший народ.

Земля на Кубе почти целиком в руках местных помещиков и американских плантаторов. «Кубинский крестьянин умирает прикованным к земле,— с горечью пишет поэт Ф. Р. Фернандес в журнале «Боэмия».— Руки его приобрели цвет земли, слезами залита его убогая хижина. Он внук, сын и отец таких же страдающих крестьян...»

Три месяца в году дымят на острове трубы сахарных заводов, принадлежащих американским сахарным королям. Потом хозяева выбрасывают на улицу десятки и сотни тысяч мужчин, женщин, детей. На этой фотографии вы видите группу безработных, сезонников, с семьями. Среди них много детей. Надежды получить заработок почти никакой. В маленькой стране постоянная полумиллионная армия безработных.

В последние месяцы террор достиг небывалого размаха. Сотни людей были повешены полицией Батисты на деревьях у въездов в города и села. В городе Баямо было казнено 26 человек. В провинции Орьенте полиция расстреляла и бросила на дорогу 27 кубинцев. У подножия Сьерра-дель-Кристал, в апельсиновых садах Брасо Гранде, отряды Батисты расстреляли 16 патриотов.

В дни самых ожесточенных атак со стороны войск Батисты покрытые лесами горы Сьерра-Маэстра оставались неприступной крепостью борцов за свободу. На снимке: партизанский часовой, притаившийся в чаще.

Трудовое население острова горячо поддержало повстанческую борьбу за свободу Кубы. Крестьяне, батраки с сахарных плантаций, рабочие заводов доставляли повстанцам продукты питания и ценные сведения о правительственных войсках.
На снимке: Фидель Кастро (в центре) слушает рассказ местного жителя о передвижениях войск Батисты.

Продавец газет мчится по улице Гаваны. В его руках специальный выпуск газеты с сенсационным сообщением: «Батиста бежал!».

Огромной радостью охвачено все население Кубы: пал кровавый режим Батисты. На снимке вы видите ликующие толпы на улицах Гаваны. Они приветствуют освобождение своего острова.

МАШИНА И ПЕШЕХОД В ТОННЕЛЕ

Проект транспортного и пешеходного тоннелей на развилке Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской. Так будет выглядеть это место в 1960 году.

Однажды утром жители домов на развилке Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы наблюдали необычное зрелище. Садовники бережно одну за другой выкапывали взрослые липы. А назавтра вокруг высвободившегося просторного участка выросла глухая ограда и оттуда послышался мерный рокот землеройных механизмов. Так началась прокладка первого пешеходного тоннеля под улицами и площадями Москвы.

В связи с этим в Институте генерального плана Москвы нам сообщили:

— Пропускная способность некоторых магистралей приближается к пределу. Улицу Горького на углу Охотного ряда переходит в час десять тысяч человек, а площадь Революции между Историческим проездом и гостиницей «Москва» — триста пятьдесят человек в минуту. На площади Дзержинского выстраиваются очереди автомобилей: пережидают, пока пассажиры метро, направляющиеся в «Детский мир», перейдут Театральный проезд.

Скопления пешеходов, заторы транспорта часты и на Октябрьской, и на Смоленской площадях, и на скрещениях Комсомольского проспекта с Садовым кольцом, Воробьевского шоссе — с Ленинским проспектом.

Вспышки красных глазков светофоров попеременно отнимают драгоценное время у пешеходов и водителей. Пять миллионов рублей в год теряет государство от простоев машин на одной только Октябрьской площади. А сколько таких «трудных» мест в столице!..

Знакомясь с новыми жилыми районами и магистралями Москвы, Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев поставил вопрос о создании лучших условий для пешеходов и городского транспорта, о строительстве надземных переходов и подземных тоннелей.

И вот во многих местах столицы начались строительные работы. Тоннели под магистралями Москвы помогут устранить «пробки» на перекрестках.

...Машина, мчащаяся по Садовому кольцу, не будет простаивать близ площади Маяковского, пока на светофоре зажжется зеленый свет. У здания Концертного зала имени Чайковского она нырнет в тоннель и вынырнет на поверхность уже по другую сторону площади. Тем самым не задержится ни на минуту и движение транспорта по улице Горького. Не забыты и пешеходы: для них построят специальный тоннель.

Чтобы пересечь Охотный ряд, вы спуститесь по лестнице в подземный коридор, пройдете около трехсот метров тоннелем, связывающим противоположные углы улицы Горького, Охотного ряда и площади Революции.

В ближайшие два года вступят в строй 14 тоннелей: шесть пешеходных и восемь транспортных. Проект транспортного тоннеля под Таганской площадью рассчитан на движение автомобилей в шесть рядов. А пересечение в разных уровнях Комсомольского проспекта с Садовым кольцом мыслится в виде эстакады длиной в 360 и шириной в 15 метров.

На строительстве тоннелей и эстакад будут широко применяться сборный железобетон, пластические массы, люминесцентное освещение. Характерная деталь — поверхность ступеней, ведущих в тоннели, будет облицована материалами, на которых нельзя скользить.

Б. СЕМЕНОВ

Возвращенное зрение

В последний раз Полиэкт Данилович Бернов видел солнце и окружающий мир в июле 1944 года. Командуя ротой самоходных орудий, он был тяжело ранен в бою под Брестом и потерял зрение.

Трудное время наступило для молодого человека по выходе из госпиталя. Надо было привыкать ориентироваться в опустившейся на него темноте, начинать работать. Товарищи-однополчане поддерживали его частыми дружескими письмами с фронта, убеждая не падать духом, старались внушить Полиэкту Даниловичу веру в свои силы. Бернов упорно лечился. Когда удалось восстановить зрение в одном глазу всего на три процента, он начал работать директором цветочной мастерской в родном городе Костроме.

И вот однажды, отправившись на прием к врачу за советом, Бернов встретился с внимательным, чутким окулистом Екатериной Николаевной Кедровой.

Познакомившись с больным, она уговорила его поехать в Одессу, в Институт глазных болезней, и уверила в том, что есть надежда на выздоровление.

П. Д. Бернов после операции.

В Одессе профессора В. Е. Шевелев, Д. Г. Бушмич и доктор Ю. Д. Баданина долго и старательно лечили Бернова, исподволь подготавливая его к операции. Сложная операция прошла успешно, и снова полная темнота окружила Бернова: долгие дни надо было ждать, когда снимут повязку. И вот наконец он видит, после четырнадцати лет почти полной слепоты к нему вернулось зрение.

Чудесное выздоровление Полиэкта Даниловича стало праздником для всех нас, его фронтовых друзей. От всей души благодарим мы наших замечательных врачей.

Герой Советского Союза полковник запаса
В. МИРОНОВ

ОТ КРАЯ

ДЕРЕВО-САД

Это необыкновенное дерево растет в Сочи. В его густой и пышной кроне прячутся тысячи золотистых плодов, неодинаковых по форме и величине. На одной ветви висят гирлянды мандаринов величиною с грецкий орех. На другой ветви — круглые, как мячики, апельсины объемом с кулак подростка. С третьей свисают гиганты-помпельмусы размером с голову ребенка. Всего сорок пять сортов цитрусовых растут в кровном родстве на ветвях одного дерева!

Кроме золотисто-оранжевых плодов, на ветвях десятки аккуратных белых этикеток. И на каждой этикетке надпись. Читаем. Оказывается, различные виды и сорта цитрусовых на диковинном дереве привиты разными людьми. Среди них негритянский певец Поль Робсон с супругой Эсландой, мэр одного английского города Чарльз Ирвинг, профессор С. Ф. Черненко из Мичуринска, индийский писатель, участник Ташкентской конференции Прободх Кумар Саньял, представители Китая, Вьетнама, Кореи, Египта и многих других стран.

Интересна история вечнозеленого «дерева-сада».

Ф. М. Зорин и индийский писатель Прободх Кумар Саньял у «дерева дружбы».

Ученый-мичуринец Федор Михайлович Зорин за время своей более чем двадцатипятилетней работы на Сочинской опытной станции стал широко известен садоводам не только нашей страны, но и за рубежом.

Многие приезжающие в Сочи спешат побывать на селекционном участке Федора Михайловича, летом участок посещают десятки экскурсионных групп.

Однажды в гости к селекционеру привезли в коляске девушку с больными ногами. Она прибыла на курорт с севера, и ей очень хотелось посмотреть, как растут цитрусовые.

Девушка сказала:

— Почему нет таких деревьев, на которых сразу росли бы все виды цитрусовых? Подошла бы к одному и сразу все увидела...

Мысль эта понравилась селекционеру.

— А знаете,— ответил он с юношеским задором,— приезжайте к нам через два — три годика, и я покажу вам такое дерево.

На другой же день Федор Михайлович облюбовал два дерева: дикий лимон и сливу. На ветви первого он начал постепенно прививать разные виды цитрусовых, на ветви второго — сорта слив.

Через несколько лет оба эти дерева зацвели и дали обильный урожай.

— Не дерево, а целый сад! — воскликнул как-то один из посетителей.

Зорин организовал тщательные наблюдения за «деревьями-садами» и заметил, что разные виды плодов, находясь на одной ветви, влияют друг на друга. Это представляло уже научный интерес. В виде опыта селекционер привил на сливовое «дерево-сад» персик и алычу. Под влиянием персика и алычи опасный для слив вредитель — плодожорка — стал портить меньше слив, а персик, в свою очередь, породнившись со сливою, перестал болеть пагубной для него курчавостью листьев.

Когда в холодную зиму почти полностью погибли лимонные и апельсинные деревья, цитрусовое «дерево-сад» выдержало морозы.

Однажды, осматривая «дерево-сад», три молодых биолога из братского Вьетнама пожелали сделать на нем свои прививки.

— В честь нашей дружбы!

— Пожалуйста. Это замечательная идея! — поддержал их Федор Михайлович Зорин.

Сделав прививки, гости предложили назвать «дерево-сад» «деревом дружбы».

И. ЗАЙЦЕВ

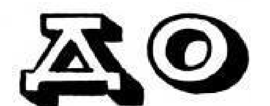
«КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО»

Подопытная собака Альбина неоднократно путешествовала в Космос. Она поднималась на высоту более 100 километров.

Многократные полеты не повредили здоровью животного, не помешали Альбине стать матерью. Врачи ведут регулярное наблюдение за «семейством». Щенки хорошо едят, веселы, быстро прибывают в весе.

Фото В. Жихаренко.

ДО КРАЯ

ТАМ, ГДЕ БЫЛА РАДИОСТАНЦИЯ ПОПОВА

На полпути между Таллином и Ленинградом, в Финском заливе, находится остров Сурсари (Гогланд). Каменный утес в южной части острова носит историческое название «Телеграфный».

Обелиск с барельефом великого русского ученого А. С. Попова и мемориальная доска, установленные на утесе, напоминают о том, что здесь впервые была использована радиосвязь спасательной экспедицией по снятию с камней броненосца «Генерал-адмирал Апраксин». Первая в мире практическая радиограмма была передана отсюда на расстояние 45 километров 5 февраля 1900 года.

Жители острова бережно охраняют памятник и оставшиеся от радиостанции рымы (кольца), вделанные в гранитную скалу. К этим кольцам крепились тросы деревянной мачты антенны Попова.

Недавно на острове Гогланд произошло радостное событие: техники радиотреста Министерства связи СССР установили здесь первую телевизионную точку-антенну и телевизор «Рубин».

На суровом острове — «родине радио» — жители не только слышат, но и видят события, происходящие далеко от них. Островитяне смотрят телевизионные передачи Таллинского и Ленинградского телецентров.

И. ГРАЧЕВ

Обелиск на острове Сурсари.

Подарок друга

Профессор Среднеазиатского политехнического института А. В. Королев и доцент П. А. Шехтман написали книгу «Послемагматические рудные тела и методы их геологического анализа», которая получила одобрение не только советских геологов, но и наших зарубежных друзей. В Китайской Народной Республике труд советских ученых выдержал два издания.

Недавно китайский геолог Джао Дзу-си прислал в подарок А. В. Королеву и П. А. Шехтману печатки из нефрита. На них иероглифами выгравированы фамилии советских ученых, лозунг «Да здравствует дружба между КНР и СССР» и стихотворные строки из произведений китайских поэтов.

Ю. УЛЬЯНОВ

Рекордный урожай под стеклом

На обеденном столе как будто все есть: и холодная закуска, и горячие блюда, и пироги. И все же чего-то недостает. Но вот хозяйка торжественно вносит зеленый лук и свежие огурцы. Комнату наполняет тонкий аромат по-летнему свежей зелени, и кажется, что за окном теплее греет солнце и не так уж крепок мороз.

Если бы было принято вывешивать таблички с именами тех, кто зимой выращивает овощи, то во многих магазинах Москвы покупателям была бы известна бригада Марии Ефимовны Головастиковой из совхоза имени Горького. Ни мало, ни много — сто тысяч килограммов лука, огурцов, помидоров, петрушки, сельдерея и другой зелени вырастит эта бригада до 1 мая нынешнего года.

Не подумайте, что бригаде Головастиковой отведено целое поле под стеклянной крышей. У нее всего три небольших зимних теплицы общей площадью в тысячу квадратных метров. Сто шагов в длину, десять в ширину — совсем небольшой огород.

Бригадир овощеводов совхоза имени Горького М. Е. Головастикова.

...Мы едем в подмосковный совхоз имени Горького.

Рядом с высокими новыми домами вспыхивают на солнце прямоугольные стекла — крыши теплиц. Открываем стеклянную дверь и словно пересекаем границу времени года. За порогом осталась зима. Здесь жаркое лето. Приходится снимать пальто.

Марию Ефимовну мы застали за укладкой зеленого лука. Привычными движениями она ловко расправляет длинные сочные растения.

— Как вам удается выращивать такие высокие урожаи лука в закрытом помещении, Мария Ефимовна? — спрашиваем мы.

— Очень просто,— отвечает Головастикова.— Вот смотрите.

И приглашает нас в полутемный коридор. Там один над другим в двенадцать рядов составлены ящики с землей. На черном фоне выделяются зеленые ростки. Это прорастает лук, который перед посадкой в течение суток замачивался в воде.

Затем ящики переносят в теплицы, ставят под основными стеллажами, а также над ними, и через 12 дней урожай готов. Таким образом, не только на 10 дней ускоряется созревание лука, но и почти втрое увеличивается полезная площадь теплиц. В таких ящиках каждая домашняя хозяйка может всю зиму выращивать лук у себя на кухне, говорит Мария Ефимовна.

Достигнутый урожай — по 140 килограммов овощей с каждого квадратного метра теплиц — впятеро превышает обычные нормы.

Совхоз имени Горького — одно из специализированных хозяйств, которые упоминаются в тезисах доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Эти хозяйства должны обеспечить картофелем и овощами население крупных городов и промышленных центров.

Сейчас в теплицах совхоза развернулось соревнование. Овощеводами бригады Головастиковой принято новое обязательство в честь подготовки к съезду: получить с каждого квадратного метра теплиц полтораста килограммов ранних овощей.

С. НОВИКОВ

ЯРМАРКА В МАЛЕНЬКОМ ЗАЛЕ

Не найдя в магазине нужную вещь, вы тут же, что называется, «не отходя от кассы», выражаете продавцу свое возмущение. И нередко слышите в ответ:

— Какой товар получаем, такой и продаем. Обращайтесь на фабрику!

Но разве вы пойдете из магазина на фабрику?

— От души вам сочувствуем,— продолжает примирительно работник прилавка.— И рады бы помочь, да не в силах. Ведь мы сами не знаем, чем будем торговать, пока не распечатаем ящики с товарами.

И вот недавно в Москве сделана попытка установить более тесный контакт между промышленностью и торгующими организациями.

В клубе 2-й зеркальной фабрики на улице Врубеля открылась выставка изделий широкого потребления предприятий химической промышленности Мосгорисполкома. В маленьком зале разложены образцы товаров. На миниатюрной сцене установлен стол с пишущей машинкой, бланками договоров.

Прислушиваемся, о чем здесь толкуют посетители.

— Мы возьмем у вас эти зеркальца,— говорит женщина в лимонном берете мужчине с орденскими планками на лацкане пиджака.

— Сколько? — коротко спрашивает тот, оказавшийся, как потом выяснилось, директором зеркальной фабрики.

— Тысяч на...— Женщина задумалась.

— Тссс!..— шепотом останавливает женщину ее спутник и громко говорит директору: — Подождите, мы немного подумаем.

Отойдя в сторону и не скрывая от нас коммерческой тайны, он объясняет:

— Такие же зеркала мы можем приобрести в Киеве на более выгодных условиях.

— Лучше синица в руках, чем журавль в небе,— не соглашается женщина в лимонном берете.

Пока покупатели зеркалец — товароведы Москворецкого универмага — спорят между собой, мы подойдем к стенду завода «Авторучка», познакомимся с Павлом Сергеевичем Назаровым, начальником Управления местной химической промышленности.

Он рассказывает:

— Моссовет решил организовать четыре такие выставки-ярмарки. Для нас, химиков, затем для полиграфистов, для легкой промышленности и для заводов металлоизделий.

Назаров предлагает нам взглянуть на стенд.

— Любопытно, что именно здесь, во время выставки, мы поняли, что пора свертывать производство авторучки «АПМ-1» и за счет этого расширять изготовление других, более совершенных,— «АПМ-4».

Голос из другого конца зала прерывает нашу беседу. Товаровед «Детского мира» возмущен тем, что уже более часа он ждет представителя завода, изготовляющего ласты, маски и дыхательные трубки для подводного плавания. Все это выставлено тут же, на стенде.

— Не ждите, его не будет. Товаров этих мало, и их распределяет Комитет по делам физкультуры и спорта.

— Но мы купили бы это все у вас в огромном количестве! — горячится товаровед «Детского мира».— Нас осаждают покупатели.

Павел Сергеевич Назаров молча разводит руками.

— Будем жаловаться, до Совета Министров дойдем,— говорит товаровед «Детского мира».— Почему нет купальных резиновых шапочек? Почему так мало делаете щеток для мытья ванн, почему мало полиэтиленовых небьющихся фляжек, моющихся сумок, посуды?

— Жалуйтесь. Скажем вам только спасибо,— обрадованно замечает Назаров и жалуется сам: — Полгода бездействуют у нас купленные в Чехословакии великолепные прессы-автоматы для изготовления спортивной и вообще резиновой обуви. И они будут простаивать до тех пор, пока какой-либо крупный завод согласится изготовить для нас пресс-формы.

О многих неувязках услышишь в беседах представителей промышленности и торговли. Но все же здесь царит дух оптимизма. Люди ищут и находят новые возможности лучше удовлетворить покупателя.

В. ПОЛЫНИН

У стенда зеркальной фабрики.

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Саши Моргилюка

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Чудесный зимний день. Солнце так сияет, что если бы ученые посмотрели на него, то с радостью бы обнаружили, что на нем нет ни одного пятнышка. И тогда возникло бы новое присловье: только на солнце нет пятен.

Нет, не только на солнце — и на душе Саши Моргилюка тоже нет никаких пятен. Чистая она у него, точно сегодняшнее солнце, точно этот ясный, искристый день. Зеленые глаза Саши светятся, шаг его тверд, и черный вихор залихватски выбивается из-под шапки-ушанки.

Саша проучился несколько месяцев в областном городе на курсах монтеров газовых установок и вернулся в свой город. Сейчас он идет на первый вызов, он не торопится. Пускай все видят его в новой роли. Ему хочется сейчас встретить Галину. Возможно, она взглянет на него черными глазами, прижмется светлой головкой и нежно скажет: «Сашенька, ты хороший!»

Дом сто один. Саша Моргилюк с солидным видом вошел в коридор, остановился перед квартирой № 3.

— Войдите,— произнес низенький мужчина с веселой усмешкой на лице.— Газ ремонтировать? Прекрасно! А главное — оперативно! Это мне начинает нравиться.

У кухни был такой вид, словно только что тут произошла страшная баталия и вся посуда передралась между собой. Побежденные кастрюли лежали на полу с отбитыми ушками. Чайник воинственно задрал нос, взобравшись на груду мисок. Черная загорелая сковородка в героической позе стояла на подоконнике. Она, должно быть, воображала себя командиром баталии и потому улыбалась в солнечных лучах.

Саша проверил зажимы у газового баллона и принялся чинить выключатели на щитке плиты.

— Я, брат, пенсионер,— говорил между тем мужчина.— Жена служит, а я на кухне. Домашний хозяин. Ха! Думаешь, плохо! Живу!

Через полчаса Саша закончил работу и протянул пенсионеру наряд.

— Распишитесь, пожалуйста,— сказал он. — Первое задание выполнил у вас.

— Неужели первое? Чудесно! Тогда я тебя так не выпущу. Знаменательная дата! Когда-нибудь отпразднуешь свой юбилей, ну, скажем, двадцатипятилетие трудовой деятельности, и вспомнишь, что первую плиту ремонтировал у меня. А посему...

Пенсионер раздвинул ногами и руками кастрюли, горшки, пробился к шкафу. Из какого-то таинственного закутка он вытащил мешок с пшеном, а из мешка — поллитровую бутылку.

— Конспирация. Ты еще не женат?

— Нет.

— Тогда можешь удивляться. А женишься, тоже будешь прятать бутылки. Факт!

Саша усмехнулся.

— Извините, но я не пью.

— Никаких разговоров, юноша. Дата! Каждый человек когда-то не пил, а потом начал. Закон. Биология...

— Но я же на работе,— возразил Саша.

— А я где начал пить? — наливая стопки, спросил мужчина. — Где? На работе! Я, брат, всю жизнь кладовщиком и завхозом работал в торговле. Только на работе и пил. А где же иначе? Разговаривай с начальством на расстоянии полутора метров. Не догадается. Проверено. Будем здоровы!

Он закрыл глаза и стал пить маленькими глотками, будто процеживал жидкость. Саша с неприязнью смотрел то на домашнего хозяина, то на свою стопку. Потом одним духом выпил водку.

— Ну, вот и отметили.

— Благодарю. До свидания. Я должен идти,— произнес Саша, надевая шапку. Ему очень хотелось вырваться отсюда на свежий воздух.

— Минуточку! — Низенький человек вынул из кармана кошелек и протянул Саше десять рублей.

— Не возьму! Я зарплату получаю! — решительно запротестовал юноша.

— Те-те-те, болтай! Зарплата сама собой, а это гонорар.

— Оставьте об этом разговор!— рассердился Саша.

— Ладно, ладно, не сердись! — Бывший кладовщик обнял Сашу. — Хороший ты парень!

На улице Саша почувствовал себя, как кролик, вырвавшийся из объятий удава. Он морщился, вспоминая первого клиента. Потом он нащупал в кармане фуфайки какую-то бумажку и удивился: наряды хранились в боковом кармане пиджака. Саша вынул из кармана десять рублей.

— Ах ты, кладовщик! — зло прошептал юноша и повернул назад.

Он этого так не оставит! Нет! Он швырнет в лицо кладовщику его деньги! Пусть запомнит дату!

Сделав несколько шагов, Саша остановился: нужно ли подымать такой шум? Гораздо проще выбросить деньги, чтобы они не жгли ему руку, — и баста!

На перекрестке Саша незаметно уронил новенькую десятку и с облегчением вздохнул.

— Дядя, дядя,— услышал он детский голосок,— вы потеряли деньги! Вот они.

Розовощекая девочка в красном пальто протянула ему десятку.

— Это не мои деньги,— заявил Саша, — возьми их себе и купи конфет.

— Ваши, ваши! Я сама видела, как они выпали,— защебетала девочка.— А на конфеты у меня есть. Мама дала.

Саша запрятал деньги в карман и снова почувствовал, что они жгут ему руки.

Вот рассказать бы сейчас обо всем Галине! Что она скажет! «Сашок, ты тряпка! — сказала бы она и еще оттолкнула бы вот так: — Фи!»

Он вошел в магазин.

— Стакан томатного соку,— сказал Саша девушке за прилавком.

Выпив сок, Саша положил десятку около стакана и ринулся к двери.

— Наконец! — с облегчением вздохнул он, выйдя на улицу. Но тут же услышал:

— Гражданин, подождите!

Саша и не подумал сдаваться. Он свернул на мостовую и помчался по улице что есть духу.

Через несколько минут перед растерянным Сашей остановился мотоцикл милиционера.

— Гражданин,— козыряя, строго произнес милиционер,— вы нарушили правила торговли и правила уличного движения! Так что...

— Заберите свои деньги! Совести у вас нет! — сверкнула голубыми глазами подбежавшая девушка-продавщица.

— Но эти деньги не мои, уверяю вас. Я их...

Милиционер насторожился.

— Что ж, выходит, вы их украли?

— Да нет! Тут дело вовсе не в этом. Я их не заработал, мне их насильно вложили в карман. А я не хочу...— Саша почувствовал, что его слова никого не убеждают.

В толпе кто-то засмеялся:

— Чудеса! Мне за всю жизнь никто никогда денег в карман не клал, чаще вытаскивали.

— Чудак!.. Пьяный, наверное...

— Товарищ милиционер, пускай он проспится, а меня отвезите на мотоцикле обратно в магазин. У меня простой,— попросила девушка, отдавая Саше деньги.

Милиционер совсем растаял от голубых девичьих глаз.

— Вот что, юноша, идите домой, выспитесь, а потом сами подумайте над своим поступком.

Саша почувствовал, как пылают его щеки. Он положил деньги в карман и решил не вспоминать о них...

Во второй квартире его встретила счастливая старушка.

— Пришел-таки, сынок! Ну и хорошо. Вот наша плитка, а вот баллон. — Стальные зубы старушки щелкнули, как затвор старинной винтовки.— Жгут все жильцы, а как испортится, всегда я виновата,— говорила бабушка.— Наладь, сынок, покрепче, а я уж тебя не забуду.

Саша горячо взялся за работу и даже забыл об обиде.

— А плитка у вас грязная. Почистить бы надо,— заметил Саша.

— И я им говорю. А они что? Придут с работы — и шмыг в кино или театр.

Через какой-то час плитка блестела совсем как новая. Саша с гордостью взглянул на свою работу и произнес:

— Ну вот и все. Распишитесь вот тут,— протянул он старушке наряд.

Старушка долго и старательно выводила буквы.

— До свидания, бабушка, не поминайте лихом!

— Э, нет! Подожди, сынок! Посиди. Раз постарался, то выпей наливочки вишневой. Это еще та, что покойный мой не допил.— Бабушка подала стакан с красной жидкостью.

— Я, бабушка, не пью.

— И курица пьет. Все под богом ходим, и все пьем! — Этот аргумент бабушка подтвердила строгим щелканьем зубов.

Саша хотел уйти, но ему жалко стало старушку. Он выпил, и у него захватило дух.

— Возьми-ка вот пирожочек с капустой. Любил мой покойный вишневку. Все мечтал вишневый сад посадить и все вишни на спирту настоять,— вздохнула бабушка и почему-то перекрестилась.— А это вот тебе за работу,— протянула она Саше деньги.

— Не возьму! — Саша сделал шаг к порогу. — И не думайте! Не возьму!

— Мой покойный тоже на людях работал. Водопровод и канализация. У него такая специальность была. Ежедневно приносил по пятьдесят рублей... А однажды даже сто принес. Святой был человек! А, кроме того, еще зарплата. А как же ты думал?! Не нами установлено, не нам этот обычай и ломать.

— Не могу я денег брать. Совесть не позволяет.

— До смерти меня обидишь. И в гробу буду лежать обиженная, — тихонько щелкнула зубами старушка и всхлипнула, — а мне уже скоро... скоро...

Саша покорился и взял деньги.

...Прошло два года. Неторопливо идет по улице Саша Моргилюк. В руках у него потертый чемоданчик с инструментами.

Саша входит в дом № 101 и стучит в квартиру № 3. У дверей он вспоминает, что отсюда начался его трудовой путь.

На кухне Сашу встречает тот же низенький мужчина. Только теперь он улыбается не весело, а хмуро.

— А-а, старый знакомый! Заходи, заходи! Ну, как жизнь? Вижу, что хорошо. Давай ремонтируй, а я пока положенное приготовлю. Один, брат, остался. Один со своей больной печенкой. Ух, печет! Ух, печет! Жена бросила... Пью!..

Саша быстро справился с работой и сел к столу. Выпили. Хозяин положил на краешек стола десять рублей. Саша медленным движением положил деньги в карман и ушел.

Солнце ослепительно сияло и в этот день. И никто не замечал, что на нем есть пятна. Не замечает пятен на своей душе и Саша Моргилюк. Не замечают их и те, кто загрязнил чистую когда-то душу юноши.

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

→ — Опять в стенгазете поместили!

Рисунок П. Кастьянова.

← — Стоит ли ремонтировать? В прошлом году они плохо играли.

Рисунок Д. Солнева.

→ — Моего сына снова в институт не приняли. Говорят, не знаком с Навои.

— Теперь без знакомства никуда не попадешь...

Рисунок И. Урманче.

— Папа, почему ты лег в сапогах?

— Ведь ты же знаешь: мама на работе — сапоги снять некому.

↓ Рисунок Д. Синицкого.

Январский день

Владимир СЕМЕНОВ

Березка стала
Ивою плакучей,
В сережках белых
Выбралась на склон.
Антоновкою пахнет
Снег скрипучий.
Морозец
По-январскому ядрен.

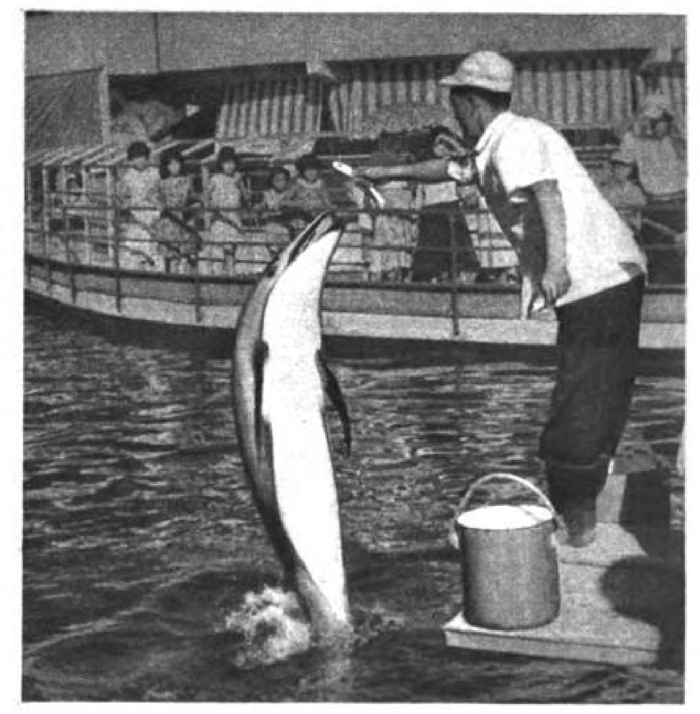
Большое солнце
Встало невысоко,
Над алыми дымкáми
Деревень...
И акварельно
Подрумянен сбоку
Колодезно-прозрачный
Синий день.

Японские аквариумы

В Японии за последние годы наряду с зоологическими парками и небольшими зверинцами большую популярность завоевали так называемые аквариумы. Это капитальные сооружения из бетона и стекла, в которых размещены большие и малые аквариумы, какие мы привыкли видеть в наших зоопарках. В них собрано много морских и пресноводных рыб, моллюсков и животных, которые в большинстве случаев размещаются в том соседстве, как они живут в морской стихии. Техники и ихтиологи создали для обитателей аквариума «домашние условия», вплоть до питательной среды и рельефа морского дна. В аквариумах молодежь знакомится с морским миром, много полезного здесь могут узнать и любители-рыбоводы.

В открытых бассейнах южных районов страны мы наблюдали кормление дельфинов. Служитель с ведром корма выходит на возвышающуюся над водой площадку. По его свистку дельфины собираются к площадке и, отгоняя друг друга, начинают выпрашивать кормежку. Они весело вертятся в воде, выпрыгивают и ныряют. Особенно они стараются показать свое искусство, когда видят рыбу.

Б. ПАВЛОВ

Кормление дельфинов в аквариуме города Симоносеки. →

ОТ АЛХИМИИ ДО ПЛАСТМАСС

В конце XIX века по улицам Праги разъезжали странные, на наш взгляд, велосипеды: переднее колесо огромное, заднее — маленькое. Для защиты от мальчишек и собак велосипедист имел хлыст. Тогда же существовала в Праге и улица, на которой проживали алхимики; с утра до ночи трудились «ученые люди» над своими ступками и препаратами...

Эти старинные изобретения демонстрируются в Москве на выставке «Прогресс чехословацкой техники». Рядом с мотоциклом 1901 года, с моделью первого чешского автомобиля (он имеет паровой двигатель) и другими вызывающими улыбку экспонатами — современность: гоночные велосипеды, известный мотоцикл «Ява», восьмицилиндровый мотор с воздушным охлаждением, устанавливаемый на легковой машине «Татра-603». Вот и фотография старой улицы алхимиков, теперь она величается «Золотой улицей». На этом стенде надпись: «От алхимии к современной химии».

Посетители знакомятся с достижениями химической промышленности Чехословакии, рассматривая изделия из пластмасс, искусственные ткани, фармацевтические препараты. Любопытна облицовочная панель из пенового стекла и эпоксидных смол. Чехословацкий павильон на Брюссельской выставке, построенный из таких панелей, удостоен Большой премии выставки.

Макеты тепловозов и электровозов, кино- и фотоаппараты, кухонный комбайн, охотничьи ружья, музыкальные инструменты, поделки и украшения для женщин знакомят москвичей с историей развития промышленности Чехословакии.

Т. АЙРАПЕТЯН.

Фото Ф. Короткевича.

Старинный велосипед.

Мотор «Татры» в 95 лошадиных сил.

Кровля из пластмассы.

Первый автомобиль.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ЭФИОПСКОГО НАРОДА

Завяжешь пояс на ходу, на ходу он и развяжется.

Кто не делится своими знаниями, подобен свету в бочке.

Сколько бы антилопа ни прыгала, она всегда возвращается на землю.

Одного камня достаточно против многих глиняных горшков.

Если люди объединятся, они смогут связать льва.

Когда на кухне много женщин, овощи плохо приготовлены.

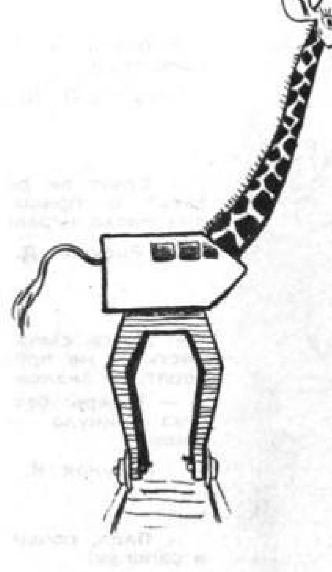
Собака лает после того, как гиена скрылась.

Перевели с амхарского Э. ГАНКИН и В. ИВАНОВА.

В ЗООПАРКЕ

Конст. **ВИШНЕВЕЦКИЙ**

Рисунки Е. Ведерникова.

ЖИРАФЫ

Встают жирафы утром рано,
Как два больших
подъемных крана.

ПАВЛИНЫ

Павлин — не что иное,
как
ХВОСТовство сплошное!

ЛЬВЫ

Здесь — львы!
Здесь обращаются на «Вы».

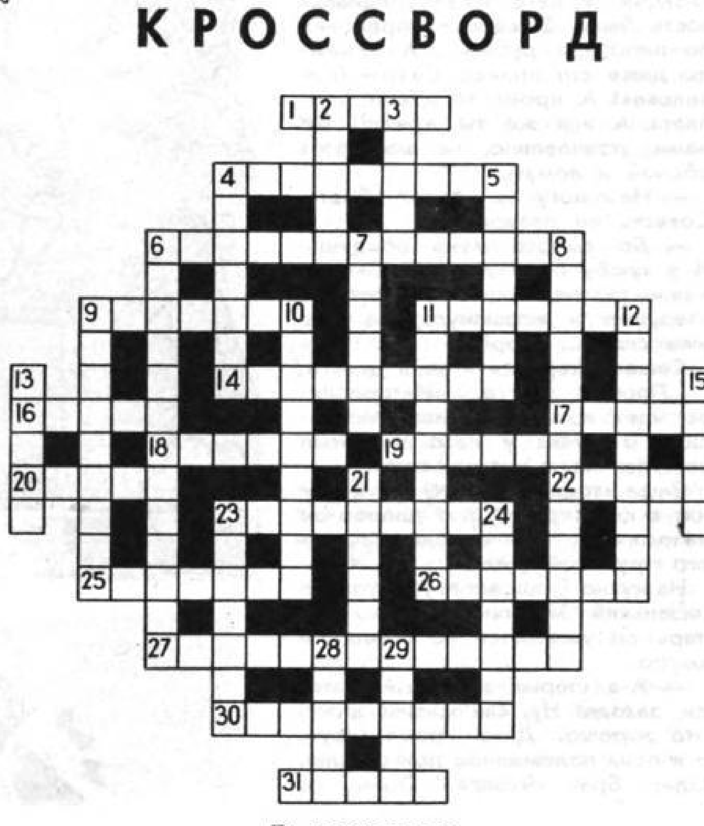
Новые марки

К XXI съезду Министерство связи СССР выпускает серию многокрасочных почтовых марок. На одной из них изображается алое полотнище с портретом Ленина и лозунг «Вперед к победе коммунизма!». На другой нарисована советская баллистическая ракета и три спутника.

Г. ВЛАДИМИРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Повесть Аркадия Гайдара. 4. Растение с желтыми цветами. 6. Совокупность звездных систем. 9. Тетрадка для записей. 11. Река в США. 14. Место действия романа «Молодая гвардия». 16. Масличная культура. 17. Приток Невы. 18. Украинский писатель. 19. Мышца. 20. Проток в дельте. 22. Опера Д. Пуччини. 23. Птица отряда воробьиных. 25. Черный минерал. 26. Химический элемент. 27. Музыкальное учебное заведение. 30. Художник, изображающий животных. 31. Русская песня.

По вертикали:

2. Горячая обработка металлов. 3. Узкая полоса ткани. 4. Разновидность цвета. 5. Газ. 6. Геометрическая фигура. 7. Неглубокий овраг. 8. Руководящий персонал. 9. Музыкант. 10. Сок кустарников, растущих в Средней Азии. 11. Опорная деталь для вращающейся оси. 12. Герой гражданской войны. 13. Австралийская собака. 15. Татарский народный драматург. 21. Автор романа «Емельян Пугачев». 23. Сушеный виноград. 24. Соотношение красок в живописи. 28. Осветительная аппаратура на сцене. 29. Дорога в парке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

3. «Либерал». 6. Пафос. 7. Совка. 10. Гончая. 13. Эпизод. 14. Богатство. 15. Фигаро. 18. Втулка. 21. «Счастье». 23. Концерт. 25. Чечётка. 28. Гантель. 32. Тамада. 33. Ералаш. 34. Груша. 35. Обновка. 36. Волынка.

По вертикали:

1. Пирог. 2. Каток. 4. Каламбур. 5. Экспромт. 8. Сороки. 9. Гонщик. 11. Гранка. 12. Десерт. 15. Фрак. 16. Гимн. 17. Острога. 18. Веселье. 19. Лифт. 20. «Аида». 22. «Старт». 24. Отрадное. 26. Карандаш. 27. «Барыня». 29. Нарва. 30. Ершов. 31. Латунь.

На вкладках этого номера четыре страницы работ народных художников Палеха, Мстеры, Федоскина и Холуя, две страницы работ М. Малютина и Е. Грибова и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00601. Подписано к печати 7/I 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 3. Заказ № 3083.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Пятерку получила.

Фото В. Кругликова.

Цена номера 3 руб.